

ПИОНЕР

Апрель

Издательство „Правда“ 1943 г.

4

ВАШ ОТЧЁТ ПЕРЕД ФРОНТОМ

Приближается Первое мая. Ещё в мирные дни у нас существовал прекрасный обычай — встречать праздник хорошими делами. Каждый стремился принести всей стране, всему народу свой подарок.

Особенно сильно это стремление теперь. Горячим, самоотверженным трудом встречаем мы наши суровые военные праздники. Шахтёры, ткачихи, железнодорожники, литейщики, колхозники, учёные — все соревнуются между собой, стараясь как можно больше помочь фронту.

Большого дела ждёт страна и от вас, ребята. И прежде всего больших успехов в учёбе. Сейчас у вас горячие дни: до проверочных испытаний осталось совсем не много времени. Нужно подготовиться к ним, нужно с честью закончить программу последней четверти, повторить всё, что пройдено за целый год, хорошенько подогнать слабые места. Некоторые части курса потребуют от вас больше усилий, некоторые — меньше. Надо составить точный план занятий и неуклонно его выполнять.

В эти весенние дни у вас будет много и другой работы. Уже пора подготавливать к севу пришкольный участок, чтобы на будущую зиму в школе были горячие завтраки. До начала летних каникул надо успеть вскопать участок, засеять и прополоть его, тогда летом, проводив старших школьников в колхозы, младшие ребята смогут ухаживать за огородом сами.

Немного оставшееся до испытаний время надо тщательно распределить, чтобы его хватило на всё. Надо установить для себя твёрдый распорядок дня.

Сейчас, когда весь наш народ так напряжённо сражается и трудится, никто не в праве учиться и работать кое-как. Отличная учёба — это не ваше частное дело, а ваш общественный долг. Пусть каждый школьник перейдёт в следующий класс с прочными и основательными знаниями. Пусть ни один ученик в вашем классе не останется на второй год. Государство не может сейчас тратить деньги на обучение второгодников: каждая копейка нужна на восстановление разрушенных фашистами городов и сёл, на восстановление разрушенных школ.

Наступает смотр вашей работы за год, ребята.

Проверочные испытания — это ваш отчёт перед родиной, ваш отчёт перед фронтом!

ЦУНЬКА

Рассказ Ф. Кнорре

Рис. А. Брея

— Опять какие-то новые фокусы, — процедил сквозь зубы Шульга, — опять какие-то ихние собачьи фокусы. Только не высывайся, что это у тебя за привычка! Ты наблюдай глазами, а не всей фигурой. Ну, что тебе вырисовывается?

Боец Вяткин, лежавший рядом с Шульгой на снегу, аккуратно подбив под себя полы полушубка и опираясь плечом о поваленный ствол сосны, послушно пригнул голову и молча продолжал вглядываться туда, где перед ним белело широкое поле, присыпанное лёгким весенним снежком, из-под которого уже чернели обметённые ветром кочки с растрёпанными прутиками прошлогодней травы.

Снег продолжал идти, и сквозь его белеющую пелену по полю, к лесу подвигалось, покачиваясь, высокое темнеющее пятно.

Минуты две оба разведчика ещё продолжали вглядываться. Потом Шульга опять спросил:

— Ну, что это получается, по-твоему?

Вяткин пожал плечами:

— Ничего такого определённого не получается.

— Вот я и гляжу: что-то не то. Ну, пускай подъедет поближе. Гранаты у нас как раз с собой.

В поле всё больше светало, и дальше зарево горевшего после вчерашней бомбёжки городка начинало бледнеть.

— Слушай-ка, а ведь это знаешь, что?! — вдруг чуть не вскрикнул Вяткин. — Ну, да, факт! Он и есть. Теперь и я вижу.

— Откуда же сюда такое попасть могло? Ведь это — удивление.

— Мало ли что теперь бывает. Война. Всё вверх дном.

— Ну всё-таки слон-то откуда?

Они оба поднялись на ноги, сбили с себя рукавицами снег и вышли на дорогу, придерживая на груди автоматы.

Слон подходил всё ближе, осторожно ставя

в снег свои толстые ноги и оставляя за собой круглые большие следы.

Войдя в лес и увидев людей, он остановился, недоуменно морща лоб и встряхивая ушами, на которые непрерывно падал и падал лёгкий снежок.

Вяткин обошёл слона кругом и вдруг прищёкнул языком:

— Фу, черт, у него рана на плече! Да какая здоровая! Раненый слон.

— Какая получается загвоздка, — нерешительно сказал Шульга, — что ж нам теперь с ним сделать? Его бы в тыл лучше всего отвести. А как его поведёшь? Слушай, ты, может быть, попробуешь? А я бы тут остался, лесок от фрицев прочесал.

Вяткин помедлил, потом протянул руку, дотронулся до хобота и сказал грубовато ласково, как разговаривал обычно с домашней скотиной:

— Ну что, брат? Пойдём со мной, что ли? А? Холодно тут тебе? Кожа-то у тебя во какая здоровенная, а шкуры настоящей нету, вот тебе и холодно. У нас вашему брагу, скотине, без шкуры невозможно. Пропадёшь. Климат.

Закинув вверх голову, он продолжал ласково-успокоительно уговаривать слона, поглаживая и почёсывая ему хобот. Слон шевелил ушами, прислушиваясь, и косил вниз на Вяткина маленькими чёрными глазами.

Тогда Вяткин взялся обеими руками за хобот и потянул за собой. Слон даже не шелохнулся.

— Ну вот, — с горечью сказал Вяткин, — тащи его, что танк, на верёвочке. Разве его сдвинешь?.. Ну, слышь, пойдём!. Вась, а Вась, пойдём, — заговорил он снова, обращаясь к слону ласково, но уже с оттенком мягкой укоризны. — Пойдём отсюда, Вася. Что тебе в лесу стоять! Тебя тут немец увидит, — гляди, вовсе прикончит.

И снова легонько толкнул слона в хобот, сделав при этом несколько шагов вперёд.

Слон вдруг глубоко вздохнул, качнулся и пошёл за Вяткиным.

— Ну, вот это молодец! — заискивающе приговаривал Вяткин, опасливо оглядываясь на шагающие по его следам ноги слона. — Тошай, тошай за мной, Вася, Вась...

Передаваемый с рук на руки слон неспешно, но удивительно покорно шагал за своими несколько раз менявшимися проводниками и, наконец, вместе со своим последним провожатым, долговязым рыжим кавалеристом, остановился посреди просторного, как площадь, двора полусгоревшего совхоза.

В приземистых красных кирпичных строениях, изъеденных чёрными язвами недавнего пожара, помещалась кавалерийская часть.

Несколько кавалеристов, занятых чисткой лошадей, весело окружили, держась немного поодаль, слона.

Последним подбежал, выскочив из конюшни, маленький разгорячённый кавалерист с засученными рукавами гимнастёрки и с конской щёткой в руке. Увидев слона, он радостно захохотал и стал объяснять:

— Мне это Цаплин, понимаешь, прибегает и говорит: «Слон, слон!» — а я никакого внимания даже не обращаю. А оказывается, действительно, верно — слон! Честное слово, ничоём бы не поверил! Откуда тут слонам взяться?

— Ничего такого необъяснимого на свете не существует, — проговорил, подходя к собравшимся, лейтенант Смородин. — Это прошлой ночью фрицы постарались: разбомбили в городе зоосад. Многие звери поразбежались от пожара.

Слон стоял понурясь среди разговаривающих людей и тихонько шевелил ушами. Потом повернула голову, загнула набок хобот и потрогал плечо в том месте, где была рана.

Лейтенант Смородин, перегнувшись набок и вытянув шею, как делают люди, заглядывая за угол дома, посмотрел, куда слон потянулся хоботом:

— Э-э... А ну, поскорей, позовите сюда Чаусова! Скажите: первую помощь надо оказать.

— Ему соломки бы подослать под ноги, — мечтательно сказал толстощёкий боец, не двигаясь с места. — Ему ведь ногам стоять холодно.

Вызванный к лейтенанту ветфельдшер Чаусов озабоченно подошёл, не выказывая ни малейшего удивления, как если бы в его эскадроне индийские слоны были не большей редкостью, чем каурные кони.

— Подвинь кто-нибудь ящик, — коротко приказал Чаусов; осторожно, чтобы не пролить розовую жидкость из тазика, ступил на пододвинутый ящик и потянулся рукой к ране.

Слон насторожился, переступил с ноги на ногу и оглянулся.

Фельдшер слегка покачнулся на ящике и крикнул с сердцем:

— Ну, что ж вы стоите? Придержите его.

— Давайте, друзья, — укоризненно сказал Смородин, первым придвигаясь к слону.

Несколько человек подошли вплотную, осторожно упёрлись в слоновий бок ладонями и стали тихонько похлопывать по чёрстой, морщинистой коже.

— Мы-то держим, — сказал рыжий кавалерист, который привёл слона, — да как его удержишь? Главное, зацепиться не за что. Ну такой весь гладкий!

— Вы не разговаривайте. Вы знайте держите, — с досадой сказал фельдшер и осторожно притронулся намоченной марлевой тряпкой к запекшейся рваной ране у плеча.

Кожа у слона нервно дёрнулась, сам он быстро повернул голову и дотронулся хоботом до руки Чаусова.

Тот вздрогнул, как от электрического укуса, и плачущим голосом крикнул:

— Да вы будете держать или нет!

— Давайте, давайте, ребятки, дружной надо! — поддержал лейтенант, ещё ближе придвигаясь к слону и всё похлопывая его по шокатому, как бочка, боку, но, видимо, и сам очень смутно представляя себе, что тут именно надо «давать».

Продолжая нервничать, слон всё заглядывал назад и держал хобот наготове.

Однако Чаусов уже смело промывал рану. Слон ещё раз пощупал его руку, успокоенно отвернулся и стал попрежнему, понурясь, глядеть прямо перед собой.

— Хотя бы попонкой его принакрыли, — попрежнему мечтательно проговорил толстощёкий, всё ещё стоящий в стороне, опираясь на лопату. — Ведь мёрзнет животная...

Ветфельдшер, заметно ободрившийся после того, как история с промыванием раны сошла благополучно, замазал рану лошадиной жёлтой мазью и заложил сверху марлей.

Слон терпеливо ждал.

— Ну, молодец, кавалер! — сказал фельдшер, слезая с ящика. — Как теперь самочувствие?

Слон вздохнул и потянулся хоботом в тазик с розовым промыванием.

— Это — наружное, ты погоди! — сказал фельдшер, отводя тазик в сторону, и крикнул: — Эй, Фишов, ну-ка сюда бадейку, только подогретой! Кавалер пить просит.

Потом он бодро похлопал слона по колену, как он это делал с лошадьми во время осмотра, нагнулся и подлез слону под грудь и сейчас же разочарованно протянул:

— Э-эх!. Вот так дело... Фишов, ну-ка мне опять дезинфекцию сюда и марли побольше.

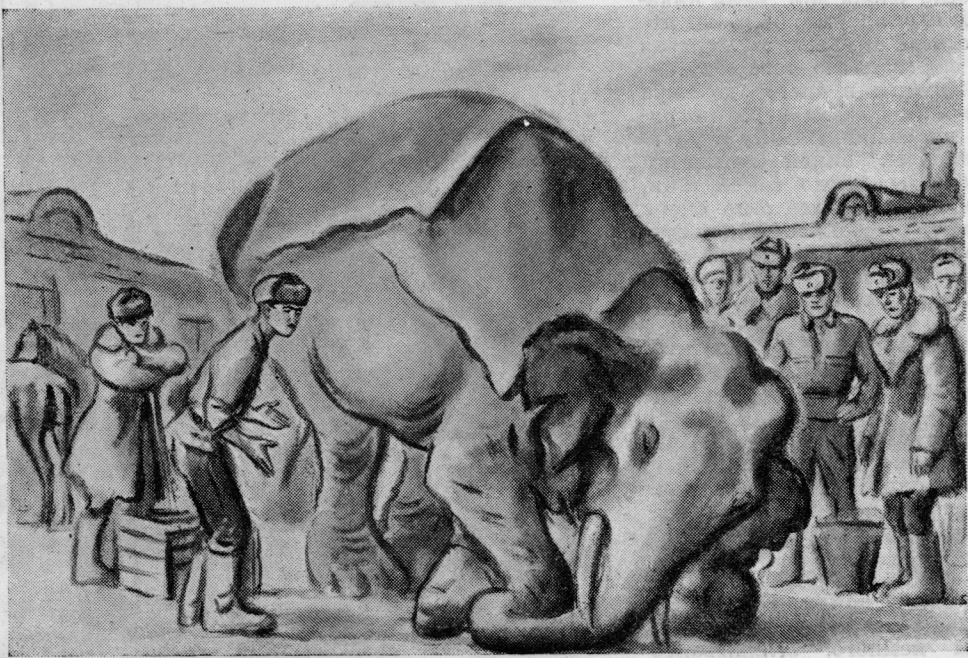
Маленький боец с засученными рукавами воротился из конюшни, стал на ящик и, поднявшись на цыпочки, закинул на спину слону две попоны, по-очереди забрасывая их, как стелют простыни на широкую постель.

— Что ж ты только две принёс? Пожалел третью? — с горьким сожалением произнёс толстощёкий, накрест обнимая свою длинную лопату и всё не двигаясь с места.

Нагибаясь к фельдшеру, лейтенант Смородин спросил:

— Что? Ещё ранения обнаружены?

— Плохо, — коротко сказал фельдшер. — совсем плохо. Фугасные осколки.

Слон вздохнул, подогнул одну ногу, потом другую и опустился на колени.

— Ну факт, они же фугасками вчера бомбили куда ни попадя, по всему городу. Может быть, ему лекарство какое-нибудь найдётся?

— Ничего не получится.

Рыжий кавалерист притащил из кухни большую свёклу, обтёр её и протянул слону. Тот ловко захватил и сунул её куда-то себе под хобот, на мгновение приоткрыв добродушно чмокнувшую толстую и мягкую нижнюю губу, но есть не стал и бросил свёклу на землю. Однако как только подошёл Фишев с бадейкой тёплой воды, он ещё издали потянулся к ней и жадно высосал её всю до дна.

— Нет, ничего не получится, — безнадежно сказал фельдшер, выпрямляясь и начиная вытирать испачканные в крови руки...

— А если разобрать, — задумчиво добавил он, ни к кому не обращаясь, — какой, собственно, перед нами интересный и своеобразный представитель животного царства... И глазки у него славные, как у кабанчика...

Маленькие глазки слона смотрели на фельдшера с доверчивым ожиданием. Большие, как лопухи, уши тихонько шевелились, страшивая снег.

— Кроткая какая! — вздохнул маленький боец, который принёс попоны, и вдруг тревожно воскликнул: — Глядите, товарищи военфельдшер, что это она?

Фельдшер зло махнул рукой:

— Я же говорю, ничего не получится.

Слон вздохнул, как будто решившись кому-то уступить, подогнул одну ногу, потом другую и опустился на колени. Так он стоял немного, как будто ещё колеблясь, что ему делать дальше, потом разом грузно осел задними ногами и тяжело повалился на бок и, уже лёжа, ещё раз снизу вверх

скосил свои понимающие глазки всё с тем же выражением покорного и доверчивого ожидания. Потом по всему его большому телу пробежала судорога, он шумно выдохнул воздух, так что лёгкий снежок струйками взлетел и закружился около его ноздрей. И закрыл глаза.

— Попоны подобрать бы надо, — поучительно заметил тот, что всё время стоял с лопатой, и двинулся к лежащему слону.

— Отставить! — сказал лейтенант Смородин. — Попонам ничего не сделается. Пускай. Может быть, он ещё чувствует...

★

К концу того же дня Вяткин с Шульгой возвращались вместе через лес. Было ещё морозно, но время понемногу подвигалось к весне, и в заваленном недавним пушистым снегом лесу было светло и весело для глаз.

Разведчики шли к дому, неторопливо и мягко ступая в валенках, расстегнув на груди полушубки и щурясь на солнце.

Приглядываясь на ходу, Вяткин заметил: — Беличий след. Вот тут она с сосны сокоснула, вот сюда... сюда, скок-скок по снегу — и прямо на эту сосну ушла... Вот зверь, не бросила своего гнезда! Всё к своему лесу мостится, как его ни бомбили, ни прочёсывали, сколько миномётами его ни карежили.

— А как ей уйти, — рассудительно заметил Шульга, — у ней тут дом. Орехов, разных шишек сосновых она себе напасла. Неужели бросать? Ясно, — отскакивает.

— Факт, — согласился Вяткин, — дрожит, наверно, а терпит. Крепитесь... Здравствуйте, — вдруг сказал он другим голосом и резко стал на месте, так что Шульга чуть не ткнулся ему в спину, — это — удивление!

— После слона для меня никакого удивления уже быть не может,— сказал Шульга, заглядывая вперёд через плечо товарища.

Вытоптанная в снегу дорожка впереди них бежала через искрящуюся на солнце поляну с упавшей поперёк синей ветвистой тенью берёзы. Около самой тени, посреди поляны, сидело на снегу маленькое, съёженное и взъерошенное существо, покрытое коричневым мехом.

Шульга пожал плечами и засмеялся:

— Сегодня у нас не разведка, а научно-техническая экспедиция. То слон. Теперь мартышка какая-то.

— Да ты не шуми,— сказал Вяткин,— разоготался, как леший.

Он медленно, осторожно двинулся вперёд по дорожке, вытянув вперёд руку и ласково приговаривая:

— Не бойсь, не бойсь... Цунька, а Цуня, ну пойди сюда, поди...

Мартышка не шевельнулась и отбежала немного, оглядываясь опасливо через плечо.

Вяткин почмокал ей, как собачёнке, и для приманки протянул кусочек сухаря, но она повернулась и пошла от него, всё время оглядываясь, по протоптанной дорожке.

Держа перед собой сухарь, Вяткин настойчиво шёл следом и тихонько звал:

— Кис-кис-кис!

Услышав «кис-кис», обезьяна припустилась бежать и прыгнула в нетоптанный снег, но, увязнув, выскочила назад на дорожку, отряхиваясь и брыкаясь лапами, как кошка.

— Ну вот,— с досадой сказал укоризненно Шульга,— придумал кисы какие-то! Только пугаешь. Разве ему по-кошачьему понятно? Где кошка, а где обезьяна. Большая разница. Ты соображай.

В это время мартышка бросилась, увязая в снегу всеми четырьмя лапами, прямо через поляну к берёзе.

Проваливаясь в снег, Вяткин тоже бежал ледом, всё повторяя:

— Цунь, Цунь, Цуня, куда, дуралей? Прогадёшь в лесу. Тебя тут вороны склюют! Лиса тебя заест, дурья башка!

Мартышка прыгала всё короче и тяжелей, но всё-таки добежала до берёзы, подскочила на ветку, схватилась тёмной, как у крошечного негра ладошкой за обледенелый сучок, обожглась, отёрнула руку и свалилась в снег.

Когда подошёл Вяткин, она, пошевелившись немного, выползла из снега, но убежать больше не стала. Вяткин нагнулся и поднял её подмышки. Мартышка, собравшись с последними силами, обернулась и ухватила зубами его за палец, но сжать зубы у неё не хватало сил.

Вяткин почувствовал, что она трясётся на морозе всем своим мохнатым тельцем. Он

Мартышка, собравшись с последними силами, обернулась и ухватила зубами его за палец...

бережно сунул её на левую сторону, за пазуху полушубка, и стал пробираться назад.

Напрасно Шульга, забегая сбоку на узкой дорожке, старался заглянуть ему под полушубок, упрашивая показать хоть на минутку,— Вяткин невозмутимо шагал вперёд, отстраняясь локтем:

— Да что тут разглядывать? Мартышка и есть. Натуральная мартышка. Видал ведь, как по снегу скакала.

— То на снегу, а то в руках. Интересно, кого он вблизи более напоминает: кошку или, например, человека. Ты его немножко хоть высунь.

— Так и буду тебе его морозить! Увидишь ещё.

Немного погодя он почувствовал, как мартышка шевелится у него под полушубком, стараясь протиснуться подалее в тепло, и усмехнулся.

— Жив? — спросил Шульга.

— Шевелится,— Вяткин щекотливо поёжился плечами,— ох, пёс, он, понимаешь, ко мне в рукав всё, как в нору, зарывается. Грется. Ох, хитёр!

Маленькая, но удивительно деятельная и шумная печка в землянке гудела всю трубой, вызываяще и громко стреляла еловыми дровами.

В углу на нарах лежал снайпер Кузьма Ершов, недавно вернувшийся с утомительного, многочасового «дежурства», и крепко спал, накрывшись с головой полушубком,

сквозь сон блаженно купаясь в волнах сурового тепла, доносившегося от печки.

Однако вскоре Ершов, полупроснувшись, услышал вокруг себя разговаривающие впебивку громкие голоса.

Он недовольно поёрзал, зарываясь головой глубже под полушубок, но это не помогло. Голоса звучали всё громче, окончательно разгоняя ему сон.

Кузьма был человек степенный, не очень молодой и комплекции, располагавшей к солидности в поступках. Он не обругался, как сделал бы на его месте другой, а с глухим упреком прогудел из-под полушубка:

— Друзья мои! Почему происходит базар? Люди отдыхают после работы. Люди восстанавливают силы.

Озабоченный весёлый голос Шульги ответил:

— Отдыхай, друг наш, отдыхай. Нам тут обмороженному нужно восстановить кровообращение.

Вокруг шла возня.

Знакомый голос Вяткина деловито окликнул:

— Ты вот эту пока нагрей у печки, а после мы её завернём в горячее.

— А спиртное внутрь ихняя нация может принимать? — спрашивал другой голос.

Кузьма не выдержал, досадливо сбросил с себя полушубок и сел, сердито моргая и хмуриясь на свет.

Прямо против него Вяткин, сидя на корточках, поддерживал обеими руками подмышки мартышку, которая полулежала в обессиленной позе, раскинув руки на мех полушубка.

Средоточенно сопя и низко нагнувшись, Шульга старательно растирал суконой рукавицей мартышке её маленькие, чёрные, бессильно мотавшиеся у него в руках ноги, в то время как Куличенко, озабоченно оглядываясь, грел над печкой вторую рукавицу.

Мартышка смиренно лежала, запрокинув своё черное, с детский кулачок личико, обведённое кругом шоколадного цвета торчащей шёрсткой, как будто подстриженной бобриком, и редко и утомлённо моргала круглыми, как бусинки, глазками, глядя прямо в лицо наклонившемуся над ней Вяткину.

— Подкинуть бы дров, — передавая нагретую рукавицу и принимаясь греть остывшую, озабоченно сказал Куличенко.

Кузьма покачал головой, спустил ноги, влез в валенки, прихватил рукавицы, вышел, принёс дров и молча принялся подкладывать.

Мартышка шевельнулась, закашлялась и нетерпеливо дрыгнула ногой.

— Гляди, ему ногу-то не оторви напрочь своими ручищами. Кузнец, — беспокойно сказал Вяткин.

— Небось, — самодовольно ответил Шульга, — я говорил, что снегом нельзя, поскольку шкурка набухнет. А вот от тепла, гляди, оживел... Пусти его теперь.

Почувствовав, что её больше не держат, мартышка вяло подобрала лапы и села, с

одурелым видом, почесывая у себя левой рукой за правым ухом.

Бойцы торжествующе переглянулись.

Мартышка сонно осмотрелась по сторонам, подумала и, разгребая руками перед собой мех, полезла под полушубок.

— Прямо в рукав, — сказал Вяткин, — всё понимает. Значит, спать.

★

На другой день Вяткин с Шульгой возвращались домой с «охоты» той же самой тропинкой и почти в тот же самый час.

Только теперь оба размашисто шагали, торопясь к дому.

— Божь, Ершов не уследил, упустил её из землянки на мороз. Он, знаешь, какой неповоротливый. Пока это он начнёт ей: «Друг мой...», — а она уж прысь в дверь на мороз — и пропала, — сказал Вяткин.

Однако едва он открыл дверь в землянку, как понял, что мартышка тут.

Несколько бойцов, «гостей» из соседних землянок, прославивших про интересное событие, толпились, заглядывая под нары.

— Тебе говорю: не пугай, а сиди спокойно, дожидайся, — распоряжался Куличенко, — сам покажется.

Вяткин как хозяин тоже заглянул под нары и позвал мартышку, но та не показывалась.

— Запугали, — недовольно объяснил Вяткин.

— Что я и говорю, — запальчиво поддерживал его Куличенко, — сидите тихо, коли пришли.

И, тут же расплывшись от смеха, начал рассказывать Вяткину:

— Что тут без тебя бы-ыло! Стал я в печку дров подкидывать. Она сидит, наблюдает... Только это я отошёл, а она тут как подскочит. Как полено схватит, как его в печку жажнет. Мировая зверина! Уж после я дверцу прикрыл, а то он, как взялся, так и сидит туда дрова что кочегар, только искры летят. Честное слово, вот хоть Кузьму спросите.

Все обернулись на Ершова, и тот, помедлив, степенно подтвердил:

— Действительно. Это было. Полено схватила — и в печку.

— Значит, тепло любит, — рассудил зашедший «в гости» артиллерист. — Да где же он? Вы бы его хоть показали.

Вяткин опустил на колени и, изогнувшись, заглянул под нары:

— Цуня, Цуня, Цунь-Цунь! Вылазь оттуда. Слышь, кому я говорю?!

— Не слушает, — сочувственно сказал артиллерист.

Слегка сконфуженный неудачей, Вяткин встал, отряхивая колени, и сел к столу, где дымился только что снятый с печки котелок щей.

— Дай-ка фонарик, — не выдержал Куличенко, — надо со светом поглядеть.

Но в эту самую минуту с полки свалилась жестяная коробка зубного порошка и следом за ней оттуда спрыгнула мартышка.

В два скачка перескочив через нары, она впрыгнула на колени к Вяткину, вскараб-

калась к нему на плечо и обхватила его руками за шею.

Вяткин, покраснев от удовольствия, грубо пробурчал, не оборачиваясь:

— Ты чего же это меня за лицо прямо своими лапами хватаешь, а?

Мартышка потрогала ему рукой ухо, осторожно потянув в одну сторону, потом в другую. Затем вдруг, озабоченно нахмурилась лоб и надув губы, стала близоруко вглядываться, проворно копошиться в его коротко подстриженных волосах.

Раздался общий хохот; и обезьяна, оглянувшись, соскочила к нему на колени, заглянула на стол, выхватила из кучки сухарей самый большой, отшвырнула его и, зажав в каждой руке по небольшому сухарику, спокойно уселась и стала обгрызать их поочередно.

Вяткин принялся хлебать щи, осторожно поднося ко рту ложку, чтобы не облить обезьяну, возившуюся у него на коленях.

Скоро мартышка перестала грызть и, подняв голову, несколько раз внимательно проводила глазами ложку со щами, сновавшую туда и обратно у неё над головой. Видимо, заинтересовавшись, она поднялась на ноги и, опираясь одной рукой о край стола, ухватила и потянула другой рукой Вяткина за рукав и тянула до тех пор, пока не пригнула к себе его руку с ложкой. Тогда она, вся вытанувшись от любопытства, ещё приподнялась и через край заглянула в ложку.

— Вот видишь?! — воскликнул Куличенко. — Вы про дрова сомневались. А он, гляди, щи умеет лопать. Вот зверина, так это да!

Придерживая ложку, мартышка опасливо отхлебнула щи и отдернула голову. Несколько раз вдумчиво приблизилась, разом залезла в ложку всей пятернёй и потащила себе в рот капусту.

Позже зашёл лейтенант Смородин с записной книжкой.

Вяткин вытащил из-под подушки свою тетрадку.

— Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант, — сказал он, сверяясь со своей пометой, перегнутой тетрадкой. — Сегодняшний день уничтожено двое. За шестидневку, значит, получается четырнадцать штук лично моих и один пополам с Шульгой. Всего с начала счёта забито... Итого забито пятьдесят девять фрицев...

Записав Шульгу и особенно удачливого в эту шестидневку Ершова, Смородин спросил про мартышку. Сейчас же вперёд выскочил Куличенко и с жаром расписал её подвиги.

— А слон-то всё-таки подох, — сказал Смородин, выслушав всё и вставая, чтоб уходить, — тяжёлые ранения. Из города офицер связи приехал, так рассказывал: пикировщики специально зоосади бомбили. Много сторожей поубивало, ограды поломало, клетки. Говорят, большая часть животных погибла, а некоторые разбежались по окрестностям. Однако кругом снег, мороз, а животные непригодные. Разве только лисцы или рыси какие-нибудь смогут сохранить

себе существование... Мартышку вашу тоже следовало бы отправить в более подходящие условия, в научное учреждение.

— Это — понятное дело, — помрачнев, сказал Вяткин.

Вяткина вызвали к лейтенанту Смородину. Он вернулся через несколько минут со странно угрюмым видом и, не отвечая на вопросы, стал раскладывать своё одеяло.

Цуныка вскарабкался Вяткину на плечо.

— Ладно, — угрюмо сказал Вяткин, — не до обниманий.

И, посадив её на одеяло, стал завертывать, как куклу.

Куличенко забеспокоился:

— Это что будет?

— Ничего. Отправляем мартышку... Э-э, чорт, лежи уж смиренно... — он раздражённо развернул одеяло и стал заворачивать снова.

— Что ж такое?! — возмутился Куличенко. — Для чего же отправлять? У нас тут тепло. Пожил бы до весны. А там видно будет.

— Тепло! — передразнил Вяткин. — А коли мы завтрашний день получим приказ в наступление? Куда его тогда?

— Да что уж, обязательно сегодня? Загорелось, — не выдержав, недовольно вставил Шульга.

— Случай такой удачный. Офицер связи, майор, согласился его взять. На машине до посадочной, а там сегодня уходит самолёт в тыл. Лётчик доставит.

Вяткин достал непомерно большой кусок сахара и сунул его туда, где из глубины мягкого свёртка высовывалась, выжидательно моргая карими глазками, круглая голова бобримом.

Из глубины с трудом выпросталась крошечная чёрная ладошка, взяла сахар и утянула его к себе в складки одеяла, и опять выглянули моргающие глазки.

Ершов, который второй день всё свободное время сидел, поджав ноги по-портновски, и что-то шил, теперь воткнул иголку, собрался что-то сказать, но махнул рукой и промолчал...

Все вышли из землянки, чтобы посмотреть, как будет увозить мартышку.

Офицер связи, кавалерийский майор, прощавшись с лейтенантом Смородиным, откинулся на сиденье своей открытой машины, захлопнул за собой дверцу и сказал:

— Ну, давайте.

Вяткин передал ему через борт туго завернутый свёрток, и офицер неловко и немного опасливо, как мужчины обыкновенно берут трудных детей, принял его.

— Вот так, — сказал Вяткин, показывая рукой, как нужно придерживать, — не застудить бы, главное.

— Ладно, — сказал майор, хмуясь и подкивая край одеяла в угол сиденья, — поехали.

Машина скрипнула на ухабе и побежала по накатанной снежной дороге через лес.

Майор, придерживая рукой свёрток, почувствовал, что внутри шевелится. Он нагнулся

Мартышка стала проворно копошиться в его коротко остриженных волосах.

и заглянул в щёлочку, которую прокопала изнутри мартышка. Оттуда на него глядели с интересом два круглых любопытных глаза. Он снял перчатку и дотронулся пальцем до тёплой, мягкой шёрстки. Мартышка тотчас же взяла его за палец и выжидательно поглядела ему снова в лицо.

Шофёр полубернулся, одним глазом косясь на дорогу, и улыбулся:

— Ну и чудная! Я поглядел давеча. До того интересная!

— Да, — сказал майор назидательно, — человекообразное животное. Между прочим, предок человека.

Немного погодя он снова заглянул в щёлку и строго спросил шопотом:

— Сидишь? Ну и сиди. Сиди, — и, покосившись на спину шофёра, щёлкнул языком и ободряюще подмигнул.

Вечером приходило человек шесть из соседней части посмотреть на мартышку.

— Увезли, — безразлично сказал Шульга и, отвернувшись, сел писать письмо.

Вяткин раньше всех улёгся уже спать.

Даже Куличенко не стал ничего выдумывать про мартышку и её ум и сидел со скучающим видом, подкидывая в печку дрова.

После долгого молчания Ершов вдруг проговорил:

— Я, друзья мои, так считаю, что она всё равно как человек. Только что в шёрстке и с лица чернявенький.

— Факт, — уныло поддерживал Куличенко, — а до чего залихватский был зверина! Бывало, сидит-сидит, потом как грянет

кружкой об стол — и пошло... — он махнул рукой. — Да что вам рассказывать, когда вы своими глазами не видели! Теперь уж она в научные организации отправлена, с профессурой будет заниматься. Рефлексы им будет показывать. На самолёте отправили.

Кто-то загремел сапогами, споткнувшись на обледенелых ступеньках, сходу распахнул дверь, и в землянку ввалился смеющийся связной от лейтенанта Смородина:

— Самолёт в тыл не пошёл. Лейтенанту Смородину по телефону звонили. Она там сейчас у артиллеристов находится. Они с ней никак обращаться не знают, так товарищ старший лейтенант приказал передать, если кто есть желающий, может сходить её покамест обратно забрать.

— Мне не обуваться, — крикнул Куличенко, поспешно надевая полушубок, — я сбегаю.

Но Вяткин, не отвечая, молча быстро вскочил в валенки и, застёгиваясь на ходу, пошёл к двери.

— Какие могут быть разговоры! При чём тут артиллеристы? Наша мартышка! — оживившись кричал Куличенко, всё-таки выскакивая следом за ним в двери и весело хлопывая рукавицами. — Я с тобой, Вятка. Нечего артиллеристов баловать!

Над лесом гудели, что-то вынюхивая, «мессершмиты». Одна бомба грохнула в чаще леса, за болотом, и немного спустя, после разрыва, слышно было, как с громким хрустом начало валиться и запоздало рухнуло дерево.

— Должно быть, сосна, — равнодушно, прислушиваясь, сказал смешливый связной, пригнотывая ногами от холода около входа в землянку, и тотчас весело крикнул: — Несёшь?.. Давай, давай, — сбежал по ступенькам и распахнул дверь.

— Хитрые какие! — весело гудел Куличенко, пропуская Вяткина со свёртком вперёд. — «Оставьте у нас, пускай поживёт». А я говорю: «Нет, вы себе сами такую найдите, тогда и... Лучше, говорю, вы к нам в гости приходите, это — милости просим».

Когда мартышку развернули, она, сразу присмирив, залезла под полушубок к Вяткину.

Все сели пить чай, а она так и осталась сидеть у него на коленях, спрятавшись, и только изредка высовывала нос, опасливо оглядываясь и, видимо, никак не понимая, дома она или в каком-то чужом месте.

— Да, чуть не позабыл, — полез себе в карман Куличенко, — артиллеристы ей го-стинцу выдали, — и поставил на стол банку консервированных персиков.

— Фрукты — это ей самое питание, — определил Шульга, — дай-ка ножик, мы ей сейчас откроем.

Все принялись пить чай, с треском откусывая маленькие кусочки и откладывая каждый около своей кружки.

Тогда мартышка, прежде чем кто-либо успел опомниться, выскочила на стол, промчалась по кругу, на ходу обобрала все лежащие около кружек кусочки, набила себе полный рот сахару и, подскочив, повисла на перекладине над столом.

Несколько кусочков она выронила, но в обеих руках держала по куску и висела, покачиваясь и хрустя полным ртом, купаясь в клубах горячего пара из только что вскипевшего чайника.

— Ох, ты ж, гад! — закричали со всех сторон. — Так что это делаешь?! Разбойничать взялся?

Громче всех кричал, помирая от хохота, Куличенко:

— Ой, ну и вредный, чорт! Это что ж такое? От него житья никому не станет скоро. Да он всех отсюда повыживет... Ах, чтоб тебе, ну, погляди, на хвосту качается, дразнится, поганец такой, а?

Тут мартышка, раскачавшись на перекладине, пролетела над головами сидевших, бросилась к тому месту, где спал Куличенко, и, ухватив в охапку лежавшую там маленькую ситцевую подушечку, стала её из всех сил тереть, тискать и мять.

С криком неправдоподобного отчаяния Куличенко бросился отымать свою подушку, и пошла возня.

Глядя на них, даже степенный Ершов, который опять старательно копался иголкой в кусочках зелёного сукна, покачал головой и затрясся от беззвучного смеха.

Весёлый связной из штаба, раза два пробегая мимо, на ходу заглядывал в землянку и с завистью восклицал:

— Вот где веселье! Прямо представление, — и бежал дальше по своим делам...

Однажды они вернулись в часть после четырёхдневного отсутствия.

Позже всех явился Вяткин, который ходил перевязывать раненую руку.

В землянке было жарко натоплено и необычайно тихо.

Ершов уже уселся в угол со своим шитьём.

Кто-то хрипло тихонько кашлянул. Вяткин обернулся и увидел, что Цунька сидит на его постели, накрывшись с головой, как старушонка, одеялом, и кашляет, держа за грудь рукой.

Вяткин подошёл и сел рядом с ней. Из под одеяла, завернутого, как платок, смотрели ему прямо в лицо, жалобно-покорно моргая, круглые карие глаза.

На одеяле были разложены нетронутые кусочки печенья и сухарей, наколотый сахар и полпалочки шоколаду. Немного посидев смирно, мартышка перевела глаза на белую повязку Вяткина, неуверенно протянула руку и осторожно потрогала повязку, потянув, вытащила растрепавшуюся нитку и безучастно её понюхала, и вдруг, испуганно ухватившись руками за грудь, опять хрипло закашлялась и, продолжая кашлять, опять подняла глаза, вопросительно глядя в лицо человеку, видимо, сама боясь и не понимая, что с ней происходит.

Вернувшийся вместе со всеми Куличенко, усталый и сонный, присел на корточки и, погремев жестяной коробочкой, подsunул её мартышке в руки. Она взяла её, придерживая двумя руками у груди, и тут же выронила, вяло опустив руки.

Смущённо усмехаясь, подошёл Ершов: — Вот, друзья мои, без навыку пришлось повозиться, но сколь сумел, — Ершов показал на ладони только что законченную шитьём пару до смешного маленьких, зелёного сукна, аккуратно выстиганных валенок на толстой, мягкой подошве.

Вечером зашёл лейтенант Смородин:

— Ну-ка, подведём итоги. Подсчитали всё?

— Сию минуту проверю, — сказал Куличенко, доставая тетрадь.

— Как, не беспокоит рана? — спросил Смородин, вскользя бросая взгляд на Вяткина.

— Нет, ничего.

— А что ж невесёлый такой?

— Да ну! — махнул рукой Вяткин.

— Вот, — нехотя проговорил Шульга, — глядите. Мартышке-то нашей конец пришёл. Экая жалость! Уж как берегли, да нет, — заболела, видно обстановка не подходит.

Смородин посмотрел и увидел маленькое тельце, скорчившееся на досках и прикрытое сверху тряпочкой, из-под которой высовывались ноги в щегольских зелёных валенках.

Кузьма Ершов с торжественной горечью крикнул и проговорил:

— Вот, видите? Всем сумели покалечить существование. Не то что людям, а никому живому существу не оставили спокойного угла на всём земном шаре. Ни полевой мыши. Ни певческой птичке. Ни серому зайцу. Ни заморской мартышке. Вот чего гады фрицы добились — и больше ничего...

Академик Е. В. Тарле

Рис. Ю. Кискачи

Битва при Каннах

Битва при Каннах осталась навсегда одним из замечательнейших событий военной истории.

Когда началась 2-я Пуническая война — война Рима с Карфагеном, — римляне ждали нападения в Сицилии или в Испании. Но вождь карфагенян Ганнибал создал совершенно необыкновенный план, который в Риме даже в голову никому не приходил. Он решил пойти из Африки через Испанию и Пиренейские горы, через Галлию (нынешнюю Францию), а затем перевалить через ещё более грозную горную цепь — Альпийские горы, — спуститься с Альп в Италию и тут нагрянуть на римлян.

Это был необычайно трудный и героический поход. Известно, что только трём великим полководцам удалось с большими армиями совершить такой огромный переход — через Альпийские горы.

Первым из них и был Ганнибал, который перешёл Альпы в конце третьего столетия до нашей эры. Через 2 тысячи лет после Ганнибала, в 1799 году, Альпы перешёл великий полководец Суворов со своей армией, и в 1800 году через эти же горы прошёл в Италию со своим войском Наполеон.

Ганнибал вёл за собой целые отряды боевых слонов. Из них очень немногие добрались до Италии: большинство погибло в горах.

Перевалив через Альпы в Северную Италию, Ганнибал нанёс римлянам три страшных поражения: при Тичино, Требии и при Тразименском озере.

Но эти поражения хотя и привели римлян в чрезвычайный испуг, всё-таки ещё не решали дела. Римляне собрали все свои силы. Они понимали, что враг, пришедший к ним, не сегодня — завтра войдёт в Рим и покончит с римским государством. И они собрали огромную армию.

Но напасть сразу на Рим Ганнибал не решился. Сначала он дал своей армии отдохнуть в одной из южных провинций, в городе Капуе, а затем уже двинулся к римскому лагерю.

Он составил план окружения и истребления римской армии. И вот в 216 году до нашей эры недалеко от небольшого городка Каннах состоялась знаменитая битва. Она длилась лишь несколько часов и кончилась полным уничтожением римской армии. Немногим римлянам удалось бежать: часть их была взята в плен, а большая часть истреблена на месте.

Среди населения царил ужас. Люди передавали друг другу шепотом: «Ганнибал у ворот». Им казалось, что Ганнибал не сегодня — завтра войдёт в Рим.

До сих пор неизвестно, почему Ганнибал, великий полководец, блистательный вождь, который в трёх сражениях до Канн и затем при Каннах разбил римлян, не пошёл сразу же после Каннской битвы на Рим и не взял его.

До сих пор неизвестно, почему Ганнибал, великий полководец, блистательный вождь, который в трёх сражениях до Канн и затем при Каннах разбил римлян, не пошёл сразу же после Каннской битвы на Рим и не взял его.

Карфагенских источников до нас не дошло. Когда в 146 году, во время 3-й Пунической войны, Карфаген был сожжён дотла, в огне погибли и ценнейшая карфагенская библиотека. И всё, что известно о Ганнибале, мы знаем только по римским источникам. Возможно, что после всех этих битв и карфагенское войско тоже было значительно ослаблено.

Сражение при Каннах не закончило войну Рима с Карфагеном. Прошло ещё несколько десятилетий — римляне опять затеяли войну и разрушили в конце концов Карфаген.

Но битва при Каннах осталась в истории как образец того, как можно покончить с неприятелем.

тельской армией одним ударом, если успеть её окружить и отрезать ей пути отхода.

С тех пор военные писатели, люди, которые изучали историю войн и стремились вывести определённые законы военного искусства, не переставали указывать на Канны как на недосыгаемый образец военного искусства, как на то, в чём должна заключаться основа полной победы.

Планы графа Шлиффена

 Теперь перенесёмся из древности в наше время. В конце XIX столетия в Германии были уже захватнические намерения, направленные против её соседей. Германский генеральный штаб под руководством очень большого стратега, генерала графа фон Шлиффена, составил план войны на два фронта — войны против Франции и против России.

И ещё тогда, а это было пятьдесят лет назад, граф Шлиффен, который был влиятельным в армии человеком, написал книгу под названием «Канны». В этой книге он не только подробно описывал знаменитую битву, когда Ганнибал разбил наголову римлян, но ставил в пример это сражение и утверждал, что всякая длительная война непременно будет Германией проиграна. Немцы не имеют достаточно своего сырья, чтобы долгое время прожить без внешнего подвоза; они окружены целым рядом государств, с которыми будут в войне (с французами, русскими и др.); с моря их давят англичане. Если Германии придётся воевать несколько лет, то в такой войне она лишится всех своих сил, и достаточно будет противнику не заключать мира, чтобы немцы оказались побеждёнными. Поэтому, учил Шлиффен, для германской армии важно поступать так, как поступал Ганнибал при Каннах. Хотя Ганнибал в конце концов и проиграл всю войну, но это случилось потому, что он не решился сейчас же после Каннской битвы идти на Рим. Сражение же при Каннах служит образцом того, как должны действовать немцы, чтобы кончить войну сразу. Начиная войну с Россией, они должны стремиться не изматывать русские силы в долгих походах, так как у русских сил больше, не занимать всё новые пространства, ибо у русских хватит пространства, чтобы отступить, а сразу окружить их армию и одним ударом раздавить, как это сделал в битве при Каннах с римлянами Ганнибал. Так писал о Каннах пятьдесят лет назад Шлиффен, когда он составлял свой план войны Германии на два фронта.

Прошло много лет. Прошла мировая война

1914 года, кончившаяся поражением Германии. С 1933 года Германия попала в руки гнусной гитлеровской шайки, которая сейчас называется германским правительством. И с этого же времени немцы стали усиленно готовиться к походу на Россию.

— Нам необходимо, — говорил Гитлер, — истребить Россию. Нам нужны громадные русские пространства, русский чернозём, половина Европы и Азии, которой владеет Советский Союз. А русские нам нужны только как подъяремный скот, как рабочая сила. Мы истребим около двух третей русского населения, а остальных заставим обрабатывать наши земли.

Гитлеровская разбойничья шайка ничуть не скрывала этого плана, напротив: провозглашала его громкогласно.

Задумывая такой чудовищный план, гитлеровская банда открыто заявляла в своих газетах, что русские, конечно, такого плана не простят, но русских уже и не будет: эта война должна быть последней войной, и русские должны быть истреблены. Нужно ловить момент, нужно внезапно напасть на Россию и устроить Красной Армии «Канны». Окружить её где-нибудь около Пскова, Новгорода, может быть, около Ленинграда. Не дать Красной Армии отступить в глубь страны и нанести ей решительный удар. А потом уже быстрым маршем идти на Москву и взять её.

С этим планом немцы и пошли в 1941 году на Советский Союз. В первые два месяца войны им казалось, что дело их идёт на лад и что «Канны» обязательно будут. Но уже в конце октября и начале ноября, когда немцы шли прямо на Москву, выяснилось, что никаких «Канн» не получилось. И тут в первый раз в германском генералитете возник протест. Генералы усомнились в том, что можно одержать быструю и окончательную победу. Один из них — Браухич — прямо высказал это Герингу. Геринг, который сам себя произвёл в генералы (а на самом деле, кроме генеральской формы и фуражки, ничего в нём генеральского нет), стоял на своём: надо идти на Москву. Многие немецкие генералы утверждали, что ничего из этого не выйдет. Никаких «Канн» не произойдёт. Русские не уничтожены, они отступают.

Слухи об этом разногласии проникли и в Германию. И даже германский обыватель, доведённый до полного тупоумия гитлеровской пропагандой, узнав, что есть какие-то разногласия, что германские генералы недовольны и считают, что «Канны» ускользнули, обеспокоился. Нужно было как-то успокоить население, показать обывателю, что всё обстоит благополучно, что «Канны» якобы состоялись. И тогда-то гитлеровская пресса пустила в ход нелепое сообщение, что

Красной Армии больше нет, что она была уничтожена по частям.

А в это самое время Жуков, Рокоссовский и другие наши генералы погнали немцев от Москвы.

„Канны“ обернулись против Германии

рошла жестокая, свирепая зима 1941—1942 года.

Наступила весна.

И вот Геринг стал составлять новый план войны. Геринг чаще других из гитлеровской шайки беседует с генералами, так как всё-таки считается в военном деле более понимающим человеком. Гитлер же в военном деле не понимает ничего. В войну 1914 года он был простым ефрейтором, и когда его попытались представить в унтер-офицеры, то его полковник написал такую резолюцию: «Этого истерика в унтер-офицеры я никогда не произведу: он увлекается как истерик, но и трусит тоже как истерик».

Новый план был основан на том, что всё-таки нужно устроить «Канны», что без такого решающего сражения война быстро не кончится, а надо её кончить как можно скорее.

Геринг предложил генералам два варианта плана. Первый: пройти на Воронеж, от Воронежа повернуть под прямым углом к северу, затем, дойдя до параллели, на которой лежит Москва, повернуть круто к Москве и напасть на неё с востока. Германская же армия, которая стояла на линии Ржев—Вязьма—Сычёвка, Смоленск—Брянск, будет к этому времени усилена новыми пополнениями из Германии. Но она не должна выступать, пока армия, которая зайдёт с востока, не ударит на Москву. Когда же этот удар будет нанесён, тогда с запада, от Смоленска, пойдёт другая германская армия, и они возьмут Москву и всю русскую армию в огромные клещи. Тут-то и произойдут «Канны» — истребление русской армии и взятие Москвы.

По второму варианту, нужно было пройти до Сталинграда, отделив некоторую часть войск для завоевания Кавказа, чтобы получить в Грозном бензин (грозненский бензин считается лучшим в мире), а в Баку — нефть, и в сентябре двинуться к северу через Саратов и Куйбышев и напасть на Москву с востока.

Генералы выслушали план и решительно отвергли оба варианта. Правда, это им даром не прошло: исчез генерал Лобб, исчезли Геринг и ещё некоторые генералы.

Геринг настаивал на своём.

— Вы несогласны с нашим планом, — так,

по слухам, проникшим в нейтральную печать, заявил он. — Вам не угодно брать Москву с востока — дайте свой план взятия Москвы.

Но у генералов другого плана не было.

Начался сталинградский поход. И здесь-то и произошло совершенно неожиданное событие, настолько роковое для Германии, что от этого страшного позора она не избежит никогда.

У Сталинского Командования был разработан план нападения на огромнейшую немецкую армию, которая шла к югу, и план истребления этой армии. Именно Сталинское Командование и задумало устроить немцам «Канны», от которых погибла шестая немецкая армия, шедшая на Сталинград.

Германское командование считало, что уже в сентябре немцы возьмут Сталинград. Но пришла осень, а даже настоящей осады Сталинграда не началось. Теперь стало известно, что пока германская армия шла к Сталинграду, она уже потеряла около 280 тысяч человек, а под Сталинград пришло приблизительно 340—330 тысяч. Советские войска, отступая, отчаянно оборонялись, изматывая врага. Да и на Кавказе дело у немцев шло туго. В Моздоке погибли несметные массы немцев. Но всё это были мелкие неудачи сравнительно с тем, что произошло дальше. А дальше обнаружилось, что хотя к ноябрю немцы взяли в полукольцо Сталинград, хотя они уже вгрызлись в него, уже вошли в город, но Красная Армия начала их обволакивать со всех сторон. Немцы из осаждающих вдруг сами превратились в осаждаемых.

Немцы сделали отчаянную попытку спастись. Геринг и другие немецкие главари, которые посылают людей на смерть, а сами прячутся в своих удобных убежищах, решили отправить на помощь, на выручку осаждаемым немецким генералам во главе с Паулюсом большую армию, стоявшую около Ботельникова. Армия эта, снабжённая многочисленными танками и орудиями, спешным шагом издалёка приближалась с юго-запада к нашей армии, которая окружала немецкую армию, стоявшую под Сталинградом.

Подшла вспомогательная армия. Но и она была разгромлена, отброшена и на две трети уничтожена русскими. И когда немцы сдались, оказалось, что из 330 тысяч немцев осталась только 91 тысяча. Вся остальная армия, осаждавшая Сталинград, была истреблена.

Это и были «Канны». «Канны», которые, однако, были осуществлены русскими против немцев, а не наоборот. Это был до такой степени потрясающий удар, что даже гитлеровские бандиты, преступники, которые привыкли орудовать ложью так, что затмили своего национального «героя» барона Мюнхгаузена, прославившегося враньём, — даже они растерялись. Ещё за

48 часов до того, как они решили сообщить об этом ужасающем известии своему народу, они продолжали врать, что всё обстоит благополучно, что всего только два квартала в Сталинграде остались в руках русских. И вдруг объявляется национальный траур: вывешиваются траурные флаги, закрываются театры и кино. «Наша армия погибла под Сталинградом, — писал Геббельс, — нам нанесён удар нечеловеческой силы».

Да, для Германии это был ужасающий удар. И дело не только в том, что это было страшное поражение. Ведь не всякое поражение является позором. Поражения терпел и такой полководец, как Наполеон (под Лейпцигом, при Ватерлоо). Поражение — ещё не позор. Но сталинградское поражение немцев — позор. «Сталинградские Банны» — так теперь их называют в Европе — позор для немцев потому, что они шли завоевательным походом к юговостоку и тут в пути погубили огромную армию, а другая, ещё большая их армия оказалась в плен и сдала 7 тысяч исправных орудий. А ведь сдать исправные орудия считается позором для военного человека. Наполеон расстреливал начальников тех частей, где это случалось. Немцы сдали 7 тысяч исправных орудий, сдали всё, что было у них, и сдали самих себя. Сдался и фельдмаршал Паулюс. Позор немцев в том, что они шли, чтобы устроить русским поражение, а сами попали в такую западню, в такую мышеловку, из которой не вышли.

У русских под Сталинградом не было никаких укреплений, русские удерживали немцев собственной грудью, и эту живую стену нельзя было пробить ни с одной, ни с другой стороны — ни

со стороны осаждённой армии, ни со стороны армии, которая шла от Котельникова.

Одна американская газета писала, что несколько столетий будут вспоминать эти «Банны», это сталинградское поражение, которое потерпели немцы. Это был удар для самой души немецкого народа, который воспитывался целыми столетиями в убеждении, что Германия должна наступать. Немцы всегда гордились — у них даже национальный праздник был по этому поводу — своей крупной победой под Седаном в 1870 году, когда они взяли в плен французскую армию. Но Седан перед Сталинградом — детская игра.

«Банны» произошли, но произошли совершенно неожиданно для немцев и в таких размерах, которых никогда в истории не было. Считается, что в знаменитой битве при Каннах (в те времена военной статистики не существовало) римлян погибло 70 тысяч. Под Седаном было взято в плен 83 тысячи французов. А под Сталинградом немцев погибло 330 тысяч. При этом Ганнибал, разгромив римлян при Каннах, никакого оружия от них не получил. Немцы, взяв под Седаном в плен французов, получили всего 400 орудий, из них лишь 100 тяжёлых, да и те были испорчены французами. Удар нанесён немцам неизгладимый, хотя это вовсе не означает, что война скоро закончится. Война может ещё длиться, враг ещё силен. Но позора своего немцам не изгладить и не смыть. И полного поражения не избежать.

Вот как в новейшее время повторились Банны, слава которых превзошла великую славу карфагенян, славу Ганнибала!

ЕСЛИ В БАЛТИМОРЕ СЕЙЧАС ПОЛДЕНЬ, ТО КОТОРЫЙ ЧАС В БЕЙПИНЕ?

Малыш легко ответит на этот вопрос, взглянув на солнечные часы в парке города Балтимора (США). Они имеют несколько циферблатов, указатели которых устроены таким образом, что показывают время для многих городов разных стран, даже если там сейчас ночь.

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Рассказ Вл. Лидина

В прихожей раздался звонок, и старик неохотно покинул согретую комнату и пошёл открывать дверь. Он был высок и худ, в круглой чёрной ермолке на зябнувшей голове и в валенках, помогавших сохранить тепло в костистом длинном теле. Опять, вероятно, счёт за электричество или напоминание от домоуправления. Он приоткрыл дверь и подозрительно взгляделся в неурочного посетителя: это был мальчик в шапке-ушанке, с большой связкой книг, почти перевешивавшей его на сторону.

— Ну-с, что вам угодно? — спросил старик, недовольный очередным бесполезным вторжением.

— Я из райкома, — сказал мальчик отважно. — Мы собираем книжки для Красной Армии, — он стоял, задрав голову и глядя на смутное в сумерках лицо старика. — Вы ведь профессор? Мне сказали, что у вас, вероятно, найдутся лишние книги.

— Да. Кто же вам сказал, что у меня найдутся лишние книги? — спросил старик иронически, но всё же впустил его в большую и холодную прихожую.

— Мне об этом сказали в квартире № 4, — ответил мальчик с готовностью.

Он запыхался, взбираясь на пятый этаж со своей тяжёлой пачкой книг, и теперь растирал намятые верёвкой пальцы.

— Однако, — сказал старик строго, и только какая-то мягкая впадина на длинных щеках едва заметно обозначила, что он улыбнулся, — у вас должна быть какая-нибудь бумажка, молодой человек.

— Да, конечно, — заторопился мальчик. — Я сейчас принесу. Она у девочки, мы вместе с ней собираем.

И он бросился опрометью куда-то по лестнице и минуту спустя, тяжело дыша, вернулся с бумажкой:

— Вот бумага, пожалуйста.

Старик снял очки и приблизил бумажку к близоруким глазам. На бумажке было напечатано, что пионер-тимуровец Вася Савельев действительно уполномочен собирать книги для Красной Армии.

— Видите, — сказал мальчик затем, — мне одному трудно, книжки всё-таки тяжёлые... Я с собой взял сестру.

— Вот как? — вежливо удивился старик. — И где же она, ваша сестра?

— Она стоит за дверью на лестнице, — ответил мальчик. — Ей только больше везёт: ей больше дают книг почему-то, — добавил он с завистью.

Старик открыл дверь. На площадке, сидя на связке книг, отдыхала девочка, тоже в шапке-ушанке и до смешного курносостью и светлыми голубыми глазами похожая на брата.

— Ну что же вы тут сидите? Заходите, раз пришли, — сказал старик и помог ей внести пачку. — Что вы тут такого насобирали?

— Знаете, — сказал мальчик, — ей повезло: у меня всё больше старые журналы, а ей, смотрите, дали какие книги! Между прочим «Таинственный остров» Жюль Верна. Покажи «Таинственный остров», — приказал он.

Она быстро нашла по голубому корешку книжку и вытащила её из пачки.

— Вот «Таинственный остров», — сказал мальчик, — вот, что ей дали. Подумайте, как ей повезло!

Девочка перелистала книжку, и он ревниво покосился на картинку в ней.

— А вы изволили читать «Таинственный остров»? — осведомился старик.

— Нет... не — пришлось, — ответил мальчик уклончиво: книга была дана для Красной Армии, и не к месту было говорить о том, читал ли он её или хотел прочесть — её нужно было вечером сдать. Но он всё же не мог удержать вздоха, засовывая книжку обратно в пачку. — Я, между прочим, читал другие вещи Жюль Верна, — сказал он, чтобы не подумали, будто он слишком заинтересовался этой книгой и что к делу, которое ему поручили, примешалось какое-то личное чувство. — «Восемьдесят тысяч льё под водой», «Дети капитана Гранта»...

— Да, но всё-таки «Таинственный ост-

ров» не мешало бы прочесть, — сказал старик. — А что если вам сначала прочесть, а потом сдать?

— Ну нет! — ответил мальчик решительно. — Мы собираем книги для Красной Армии, и их надо поскорей отправить на фронт. А мало ли что нам захочется прочесть! Вот девочкам всегда почему-то больше дают... Может быть, у вас найдётся какая-нибудь хорошая книжка?

Старик помедлил. Его длинные ноги были согнуты в коленях, руки с большими синеватыми жилами зябли, и он засовывал их время от времени в рукава ватной кацавейки, похожей на женскую.

— Ну, а если я предложу вам обмен? — сказал он затем. — Я, например, возьму у вас «Таинственный остров», а дам взамен несколько хороших книг.

— Нет, — сказал мальчик, — этого нельзя. Как же мы можем менять, если книжка дана для Красной Армии?

Он посмотрел на девочку, и та тоже отрицательно покачала головой. Куда он метил, хитрый старик! И она решительно стала запикивать поглубже в пачку книгу с голубым корешком.

— Но позвольте, молодые люди, — сказал старик снова. — Ведь я вам взамен одной книги предлагаю сразу несколько книг. Ну, например, сочинения Лермонтова в четырёх томах с картинками. Вы только подумайте!

Мальчик и девочка переглянулись.

— Нет, — сказал мальчик решительно, — это мы не имеем права делать. Мы можем только собирать, а не обменивать.

Старик снял очки, подышал на стёкла и снова надел их.

— Вот какие вы, молодые люди, неговорчивые, — сказал он ворчливо. — Ведь если бы я взял у вас хорошую книгу, а дал плохую взамен, вы, конечно, могли бы усомниться, — он сел, наконец, на большой сундук, стоявший тут же в прихожей, худой, с длинным красноватым носом и всё ещё молодыми и свежими глазами под стёклами очков. — А я даю вам взамен четыре тома сочинений Лермонтова. Ну, хорошо, прибавлю ещё одно-томник Пушкина. Тут и биография Пушкина и много разных картинок — есть что посмотреть.

Мальчик заколебался.

— А зачем вам «Таинственный остров»? — спросил он недоверчиво. — Читать будете?

— Ну да, читать.

— Взрослые Жюль Верна не читают, — сказал мальчик неуверенно. — Вы это нарочно нам говорите.

— Вот ведь какие вы чудные ребята! — сказал старик; его худые щёки снова промялись складками, скрывая улыбку. — Вам предлагают много хороших книг за одну, а вы колеблетесь. Ну кто вам ещё давал полное собрание сочинений Лермонтова и Пушкина?

Мальчик растерянно посмотрел на свою связку книг — преимущественно со старыми номерами журналов. Потом он поглядел на сестру, и они представили себе, как принесут в райком сочинения Лермонтова и Пушкина.

— Ну, хорошо, — согласился он наконец, — вы всё-таки покажите книги.

Старик в своих больших валенках ушёл в дальнюю комнату и скоро вернулся, неся перед собою груды книг. Это были Лермонтов в новеньких жёлтых переплётах и Пушкин, и мальчик и девочка на минуту раскрыли рты.

— Хорошо, — сказал затем мальчик, — мы отдадим вам за это «Таинственный остров».

Девочка всё же вздохнула, доставая из связанной пачки голубую книжку.

— Вот, возьмите, — сказала она, всё ещё не уверенная: не сделали ли они того, чего не следовало делать?

Они молча принялись связывать затем полученные взамен книги. Конечно, приятно было принести Лермонтова, но всё же была какая-то неловкость в том, что они обменяли книгу, предназначенную для Красной Армии.

— Ну, вот и всё, — сказал мальчик сестре. — Можем идти.

Чем-то всё-таки неуловимо обидел их своим обменом старик. Они подняли тяжёлые пачки и пошли к выходу. Старик стоял, высокий, костистый и словно довольный сделкой, с голубой книжкой в руке.

— А теперь, молодые люди, — сказал он и остановил их, — возьмите от меня эту книжку на память. Я, знаете ли, в детстве Жюль Верна тоже любил.

— То есть как? — спросил мальчик. — Чтоб мы взяли у вас эту книжку?

— Ну да. Раз она принадлежит теперь мне, то я могу её вам подарить. Читайте себе на здоровье.

Мальчик и девочка переглянулись растерянно. Голубая книжка была протянута

им, и они могли её взять, и унести с собой, и считать своей.

— Нет,— сказал мальчик, подумав,— вы можете её, конечно, снова пожертвовать, но взять её себе мы не можем: ведь нам её дали для Красной Армии.

— Ну, хорошо: вы прочитайте её, а потом отдадите для Красной Армии. Раз я теперь её жертвую, то моё желание такое.

И он отдал им книжку.

— Ну, раз ваше желание такое, то мы её прочтём и отдадим... Мы быстро прочтём, вы не думайте!

Счастливые, они застряли в дверях со своими пачками, торопясь к выходу и

предвкушая, как они разложат в райкоме четыре новенькие в жёлтых переплётках книги Лермонтова и как вечером они будут читать голубую книгу с пленительным названием «Тайственный остров».

Старик постоял ещё в холодной прихожей, слушая оживлённые детские голоса на лестнице и торопливые шаги по ступенькам. Потом улыбка, которую не нужно было более сдерживать, промяла его щёки, и неспеша, на своих длинных слабых ногах, он прошёл в согретую комнату, где на книжной полке недоставало Лермонтова, но от этого комната показалась только богаче и шире...

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Лев Толстой

Была давно-давно на земле большая засуха: пересохли все реки, ручьи, колодцы, и засохли деревья, кусты и травы, и умирали от жажды люди и животные.

Раз ночью вышла девочка из дома с ковшиком поискать воды для больной матери. Нигде не нашла девочка воды и с усталости легла в поле на траву и заснула. Когда она проснулась и взялась за ковшик, она чуть не пролила из него воду. Он был полон чистой, свежей водой. Девочка обрадовалась и хотела было напиться, но потом подумала, что не достанет матери, и побежала с ковшиком домой. Она так спешила, что не заметила под ногами собачки, споткнулась на неё и уронила ковшик. Собачка жалостно визжала. Девочка хватилась ковшика.

Она думала, что разлила его; но нет, он стоял прямо на своём дне, и вся вода

была цела в нём. Девочка отлила в ладонь воды и собачка всё вылакала и повеселела. Когда девочка взялась опять за ковшик, он из деревянного стал серебряным. Девочка принесла ковшик домой и подала матери. Мать сказала: «Мне всё равно умирать, пей лучше сама», и отдала ковшик девочке. И в ту же минуту ковшик из серебряного стал золотой. Тогда девочка не могла уже больше удержаться и только хотела приложиться к ковшику, как вдруг в дверь вошёл странник и попросил напиться. Девочка проглотила слюни и поднесла страннику ковшик.

И вдруг на ковшике выскочило семь огромных брильянтов, и из него полилась большая струя чистой, свежей воды.

А семь брильянтов стали подниматься выше и выше и поднялись на небо и стали Большой Медведицей.

В госпитале

Мы утром гуляем у светлой
 воды,
 Пускаем кораблики в Каме.
 Для раненых мы собираем
 цветы
 И в госпиталь входим
 с цветами.
 Там наши картинки у коек
 висят,
 На столиках наши альбомы,
 И старшая группа — пятна-
 дцать ребят
 Со всеми бойцами знакомы.
 Вот этот боец в окружении
 был,
 Но вёл себя смело, как надо,
 Сам раненый, восемь
 фашистов убил
 Огнём своего автомата.
 А этот, что с виду совсем
 некрасив,
 Но звонко смеётся по-детски,
 Он спас командира, его
 заслонив
 Собою от пули немецкой.
 На крайней кровати лежит
 паренёк,
 Он тоже представлен
 к награде
 За то, что два вражеских
 танка поджёг
 В тяжёлом бою
 в Сталинграде.

И лишь одному нам ничем
 не помочь:
 Ни песней своей, ни цветами:
 Фашисты его пятилетнюю
 дочь
 В Крыму закололи штыками.
 Ребята садятся к нему на
 кровать,
 Но мрачен боец загорелый:
 — Светланка вот так же
 могла рисовать,
 Такие же песенки пела.
 Две раны получены мною
 в бою,
 Но снова винтовку мне
 дайте —
 И я отомщу за Светланку
 мою,
 За девочку в беленьком
 платье.
 В палату на цыпочках
 входит сестра,
 Хорошая девушка Таня:
 — Ребята, нам скоро обедать
 пора,
 Скажите бойцам: «До
 свиданья!»
 Вам надо на солнышке
 больше гулять,
 Пускать на верёвочке змея,
 А завтра с утра приходите
 опять,
 Чтоб нам было здесь веселее!

У печки

Иркнуть спичку очень
 просто,
 Только зря её не трать.
 Вспыхнет белая берёста—
 И пойдёт огонь блистать.
 Соберутся все у печки,
 У весёлого огня.
 Уступите мне местечко,
 Потеснитесь для меня!
 Загудело, запыхтело,
 Будто подан паровоз.
 Я скорей на поезд села,
 Он ребят на фронт повёз.
 Куклы тоже едут с нами
 И пушистый чёрный кот.

Золотое, злое пламя
 В печке пляшет и поёт.
 Остановки, полустанки...
 И ребята шепчут мне:
 — Это вражеские танки,
 Все подбитые, в огне.
 Вот прожектор ярким светом
 Самолёт врага поймал.
 Это вспыхнула ракета —
 К наступлению сигнал.
 Это рушатся их дзоты,
 Подожжённые огнём.
 Застрочили пулемёты,
 В наступленье мы идём.
 Быстро вскинуты винтовки,

Автоматы на груди...
 — Ну, ребята, остановка,
 Из вагона выходи!
 Головешки догорели,
 Утихает бой вдали...
 А потом картошку ели,
 На углях её пекли...
 Всем картошки дали вволю,

Получай добавку, на...
 С чёрным хлебом, с белой
 солью
 До чего ж она вкусна!
 Хорошо сидеть у печки,
 У весёлого огня!
 Уступите мне местечко,
 Потеснитесь для меня!

Серёжа

В глазах его застыл испуг,
 По маме плачет он украдкой,
 Не выпускает он из рук
 Из дому взятую лошадку.
 Его пугает самолёт,
 Гудок пронзительный над
 Камой,
 И нашу Машеньку зовёт
 Он иногда своею мамой.
 Она похожа на неё
 Улыбкой, добрыми руками,
 И так же ласково поёт
 И так же кормит пирогами.
 Но у Серёжи мамы нет:
 Она убита в Ленинграде.
 Он помнит прохот, яркий
 свет

И кровью смоченные пряди.
 Он мёрз, как маленький
 шенок,
 Один в разрушенной
 квартире,
 Через пробитый потолок
 Родные звёздочки светили.
 Он вспоминает, точно сон,
 Теплушку, дальнюю дорогу.
 В наш городок приехал он
 И привыкает понемногу.
 В большую, дружную семью
 Мы взяли маленького братца,
 И слово мальчишки дают
 Его беречь и с ним
 не драться.

Дрова

Безжал буксирный пароход
 И за собой тянул по Каме
 Большой, как мост, тяжёлый
 плот,
 Грузёный нашими дровами.
 Буксир кричал: — Я не
 могу-у,
 Сейчас я к пристани
 причалю!
 Его на камском берегу
 Ребята весело встречали.
 А лесорубы на плоту
 Стоят с грибами и цветами—
 Они живут у нас в саду
 И всё умеют делать сами:
 Сварить для младших
 вкусный борщ,
 Читать им вслух большие
 книжки,

Пойти за хлебом в сильный
 дождь,
 Заштопать детские
 штанишки.
 Они вставали на заре,
 Брались за топоры и пилы,
 Чтоб в интернате в январе
 Пожарче печи натопили.
 Ребята крикнули: — Айда,
 Поможем выпружать
 поленья!
 Щекочет тихая вода
 Ребячьи тёплые колени.
 Пускай мороз придёт зимой,
 Он больше нас не испугает.
 И страшно горд сыннишка мой,
 Что тоже старшим помогает.

СЕРЕБРЯНЫЕ ТРУБЫ

Сергей Григорьев

Рис. О. Верейского

Последний германский император, Вильгельм Второй, несколько раз приезжал в Россию — и при Александре Третьем и при последнем русском царе, Николае Втором. К Александру Третьему германский кайзер относился с большим почтением, напоминающим склонность племянника к богатому дяде. Выходя с ним вместе из дворца, он опережал камер-лакея, срывал с вешалки и подавал Александру его плащ с ловкостью гардеробщика из берлинского кафе, а затем бежал к коляске, чтобы откинуть фартук. На Николая Второго Вильгельм смотрел менее почтительно, приезжал к нему, как к младшему брату, и в интимные минуты называл его по-французски: «Mon cher colonel» — «мой дорогой полковник». Николай слегка поёживался от этой вольности: он всю жизнь тайне страдал от того, что отец не успел произвести его в генералы, а сам себя повысить в чине Николай не мог, так и остался на всю жизнь полковником! Кайзер, впрочем, тоже хотя и был генералом, но мог считать себя и русским полковником, потому что в молодости ещё он сделался шефом русского Выборгского пехотного полка, числился в его списках и считался почётным полковым командиром.

Незадолго до русско-германской войны 1914 года Вильгельм приехал смотреть манёвры войск Петербургского военного округа. В манёврах участвовал и Выборг-

ский полк. После манёвров предстояли смотр и церемониальный марш. Вильгельм пожелал лично провести полк перед Николаем и лихо салатовал палашом «своему дорогому полковнику».

Хотя день стоял жаркий и над полем клубилась пыль, поднятая войсками, и уже наступило время ехать к завтраку в Царское Село, — кайзер решил отвести полк к палаткам. Все хотели отдыха, но Вильгельм до того увлёкся ролью русского полковника, что приказал построить солдат на линейке и пошёл вдоль фронта.

Основанный Петром Первым пехотный Выборгский полк в своей 200-летней истории насчитывал много славных боевых дел.

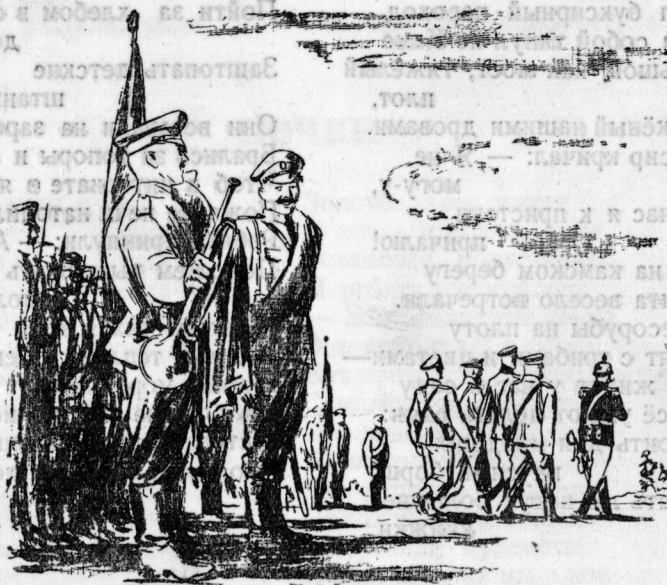
В первом батальоне Вильгельм заметил у двух горнистов серебряные трубы и по-русски спросил:

— За что полк получил серебряные трубы?

— За взятие Берлина в 1760 году, ваше императорское величество! — гаркнул горнист.

У кайзера дёрнулось плечо. Он уже не хотел больше разыгрывать роль русского полковника. Всё же он сделал ещё несколько шагов вдоль фронта, но вдруг круто повернулся к командиру полка, стараясь любезно улыбнуться, простился с ним и направился к своему автомобилю.

Солдаты же в это время радостно качали горниста.

Чудесные

варежки

(Окончание)

Сказка Б. Ивантера

Рис. В. Цельмера

ДВЕ СОБАКИ

Сержант двинулся дальше. Путь лежал ещё далёкий. Навстречу сержанту шли немцы, должно быть, на смену караула. Один из них был, повидимому, офицер. Он вёл на поводку собаку. Почувяв чужого, собака рванулась вперёд.

Она вырвала поводок из руки офицера и кинулась к Муромцеву.

— Иси, иси, Рекс! — крикнул офицер и поспешил догонять собаку.

Это была немецкая овчарка, сильная, злая, с великолепным чутьём. Она ткнулась сразбегу в шинель Муромцева, вцепилась в неё зубами. Однако всё это происходило на ярком свете, и немцы, конечно, не поняли, в чём дело. Они только видели собаку, которая, словно взбесившись, прыгала вокруг пустого места.

«Вот, черт, ещё навязался!» — подумал сержант и ударил собаку прикладом автомата. Она взвизгнула, отпустила шинель, и в ту же минуту офицер поймал её за поводок.

Офицер, не очень молодой, коротконогий, плотный, тяжело дышал, стоя в глубоком снегу. Собака рвалась с поводка. Он притянул её к себе, ударил в бок и что-то шепотом. Удар был короткий, точный и расчётливо злой.

«Спец!» — подумал сержант.

Он стоял к офицеру так близко, что слышал запах коньяка. И офицер тоже вдруг принюхался и, раздвинув ноздри, стал, точно собака, втягивать в себя воздух.

«Одеколон, — вспомнил сержант. — Кажется, только капля вылила себе на виски, а как долго держится! Или нюх у него такой собачий?»

Двинуться с места Муромцев не мог. Он был невидим, но сохранял свою тяжесть и вовсе не собирался на виду у офицера оставлять следы на снегу.

Так они стояли друг против друга — две собаки и один человек.

Наконец, офицер, словно нехотя, пошёл

обратно, еле вытаскивая ноги из глубокого снега, и увёл за собой упиравшегося пса.

Сержант подождал, пока они ушли подалее, и, сверившись со своей звездой, пошёл на запад, изредка поглядывая на снег, в котором появлялись один за другим следы невидимых валенок.

«Следы оставляю, по целине ходить бы не следовало», — подумал сержант и вышел на тропинку.

Так же поскрипывал под его подошвами снежок, такая же была кругом родная земля, как и на том берегу озера. Но он ходил по ней невидимый. Это было обидно и больно сердцу. Ему казалось, будто он ночью, в темноте, на цыпочках, ходит по родному дому, который внезапно захватила целая шайка разбойников и хозяйничает в нём. Родные ели, покрытые снегом, стояли строго и молча. Тихо, не шевеля тонкими протянутыми к небу ветвями, стояли в иине берёзы. Они-то уж, наверное, видели, как по тропинке лесом и полянками ходил невидимый человек в шапке с красной звездой, с автоматом через плечо. Они видели и то, что у него было на сердце. Может быть, кому-нибудь и покажется странной такая пронизательность у белых берёзок. Но ведь это были родные его сердцу русские берёзки, а во всей этой истории, как уже условился сержант Муромцев с капитаном, есть много странного, фантастического и даже вовсе необъяснимого.

Он ходил по тропинке мимо немецких блиндажей и даже заглянул в один, в другой.

Осмотрев систему укреплений, сержант вышел на большак, на тот самый большак, который был ему нужен.

Здесь они с капитаном наметили первый отдых.

Где же всё-таки отдыхать? Недалеко от дороги виднелся одинокий домик. Сержант обошёл его кругом. Домик как будто был пуст.

Сержант вошёл. На столе горела коптилка, стояла открытая банка консервов и бутылка коньяку, уже выпитая наполовину. В доме было тепло.

Сержант присел к столу, поел, выпил рюмку коньяку и залез на печку погреться.

Но не успел он расположиться, как услышал шум шагов на крыльце, лай собаки и разговор на чужом языке.

В ДОМЕ У БОЛЬШАКА

Сержант правильно рассудил, что лучшая позиция для него — у лампы. В темноте он терял все преимущества невидимости. Он спрыгнул с печки и сел у стола.

Пока снаружи нащупывали щеколду, собака, повизгивая и лая, царапалась в дверь. Она первая проскользнула в открывшуюся щель и кинулась к столу. Это была та самая проклятая овчарка. Она не успела ещё вцепиться зубами в ногу сержанта, как он схватил её за ошейник и поднял от земли. Собака исчезла из глаз. Она было взвизгнула, но сержант другой рукой сжал ей челюсти, и она умолкла.

Немцы, вошедшие вслед за собакой в дом, не успели даже заметить, что произошло.

— Рекс! — позвал офицер.

Собака дёрнулась, и сержант чуть было не выпустил её из рук. Немцы стали искать собаку по всей избе. Они так тщательно осматривали и обыскивали комнату, что удивительно было, как они не наткнулись на сержанта, который стоял посреди комнаты со своей добычей. Надо сказать, что это было не так легко. Если кто-нибудь сомневается, тот может сам попробовать поддержать на весу невидимую злую собаку, выдрессированную для охоты на людей.

В углу избы стоял офицер, которого сержант давеча встретил на дороге, и звал свою собаку. Теперь уж сержанту стало ясно, что он имеет дело не с обычным офицером полёвых войск: это был майор войск СС, офицер-каратель со знаком мёртвой головы.

Однако с собакой нужно было что-нибудь сделать. Проклятая тварь извивалась в руках и, того и гляди, могла задеть хвостом или лапами кого-нибудь из фашистов. Сержант стал пробираться к двери. Он благополучно открыл её и вышел на улицу. Тут он разделался с собакой очень скоро, сжал ей горло, задушил и забросил подалее в сугроб.

Вернуться в дом было теперь нетрудно, хотя часовые и стояли чуть ли не у каждого окна и вокруг домика бродили солдаты, которых майор послал

искать свою собаку. Но домик был окружён лесом, и фашисты, покричав и посвистав, не шли дальше опушки, боясь войти в густую лесную тьму.

А в доме сидел майор один у стола и рассматривал на свет рюмку с коньяком, прежде чем её выпить.

Невидимый сержант сел напротив него на лавку.

Если бы сержант умел писать повести или рассказы, он, конечно, нашёл бы способ точно определить, какое лицо было у этого майора. Но сержант не писал повестей. Он был простой человек и, глядя на злодейское лицо фашиста, просто-напросто его ненавидел.

«Нет, — решил сержант, — он слишком легко отделается, если я его сейчас пристрелю. Ты ещё увидишь мою смерть, прежде чем помрёшь».

На столе лежали карты, книги, стопа чистой бумаги. Сержант взял красный карандаш и написал:

«Каюк тебе пришёл, мерзавец!»

Перед тем как написать последнее слово, Муромцев, чтобы привлечь внимание фашиста, постучал невидимым карандашом по столу. Майор как раз допил рюмку и, ещё держа её в руке, смотрел, как на чистой бумаге одна за другой появляются красные буквы.

Он даже не казался очень ошеломлённым.

— «Каюк тебе пришёл, мерзавец!» — медленно прочитал он вслух с немецким акцентом. — Каюк? — повторил он и, взяв со стола маленький словарик, стал искать в нём это, очевидно непонятное для него, слово.

Сержант заметил, как напрягались у него все мускулы, как шевелились ноздри, когда он смотрел в словарь.

Увидев странные движения майора, солдат остолбенел.

«Опять одеколон», — успел только подумать сержант, когда фашист выхватил маузер и дал в его направлении несколько выстрелов.

СУМАСШЕДШАЯ МАШИНА

Пуля обожгла сержанту ухо. В первую секунду он инстинктивно хотел было стащить варежку, чтобы пальцами зажать ранку, но вовремя сдержался.

Майор между тем, выстрелив, прислушался, снова втянул в себя воздух и, неожиданно взмахнув перед собой рукой, чуть не задел сержанта по плечу. Тот неслышно отошёл в угол, к печке. Майор же стал ходить по комнате и вдруг, словно невзначай, взмахивал то одной рукой, то другой. Потом он стал ловить невидимый запах, как ребята ловят мух, складывая ладонь горстью.

Офицер увлёкся. Он не заметил, как дверь отворилась и в комнату вошёл его денщик. Увидя странные движения майора, солдат остолбенел. Глядя со страхом то на майора, то на бутылку с коньяком, он, очевидно, подумал, что майор его допидся до белой горячки и ловит чортиков по углам. Денщик хотел что-то сказать, но поперхнулся и только кашлянул.

Майор сразу остановился. Ему, видно, неприятно было, что денщик застал его врасплох. Чорт знает, какая слава могла пойти про него! Но он только сказал:

— Что нужно, болван?

— Ауто, — запинаясь, сказал денщик, — Польские Бетуки.

«Ага, — подумал сержант, — должно быть, подали машину в Большие Петухи. Это мне как раз по дороге. Ну да майор всегда при мне останется!»

Машина, действительно, стояла у крыльца. Шофёр возился у радиатора. Сержант поудобнее уселся на заднее сиденье и затих. Машина была сильная, хорошей марки. Муромцев кое-что понимал в этом деле.

Майор подошёл, сел рядом с шофёром, и машина тронулась.

Путешествие было настолько спокойным, что, право же, сержант подумывал было даже немного вздремнуть. Однако засыпать ему никак нельзя было. Товарищи говорили, что он во сне храпит. И хотя сам сержант всегда отрицал это, утверждая, что это очевидный поклёп на него, но всё же поостерегся засыпать в одной клетке с гиеной.

Машина скоро пришла в Большие Петухи и теперь шла по улице. Трудно было назвать улицей эту печальную дорогу, где по бокам стояли сожжённые немцами дома. Одни только трубы, возвышаясь над чёрным снегом, смотрели в холодное небо. Так вот, разорённой улицей, посреди пепелища, шла большая немецкая машина, в которой ехал никем невидимый, но видящий всё сержант Василий Муромцев.

Машина остановилась у здания клуба. На дверях висела немецкая вывеска. Толпа оборванных людей, мужчин и женщин с детьми, стояла перед деревянным зданием. Иные стояли на снегу прямо босиком.

— Гераус, — приказал майор шофёру, когда машина остановилась.

Шофёр выскочил из машины в одну сто-

рону, майор — в другую. И не успел сержант опомниться, как майор уж запер машину на ключ.

Майор поднялся на крыльцо, за ним потянулись подталкиваемые солдатами люди, а сержант Муромцев сидел в машине, запертый, не имея возможности выйти. Заперты были все двери. А стёкла были толстые, непроницаемые для пуль, и, как ни колотил в них сержант кулаком, они не разбивались.

«Ну и влип!» — подумал сержант.

Но нужно было всё же принимать решение. Не сидеть же в этой бронированной клетке на колёсах!

Ключи были у шофёра. Сержант видел, как майор их ему передал. Муромцев быстро пересел на сиденье шофера, включил мотор, и машина тихо двинулась за шофёром. Тот шёл, не оглядываясь, прямо по дороге. Встречные солдаты даже не замечали, что машина идёт сама собой. Шофёр повернул за угол, сержант свернул за ним. Шофёр повернул за дом, и машина — за ним, пока, наконец, не толкнула его в спину. Шофёр обернулся и начал неистово креститься. Был он колбасник, баварец и набожный человек. Заодно перекрестил он и свою машину. Но она стояла на месте и не рассыпалась. Шофёр отскочил. Машина двинулась за ним. Шофёр спрятался за столб. Машина подошла к столбу и загудела.

Она гудела так настойчиво, что шофёр, крестясь и что-то шепча, всё-таки подошёл к ней и открыл дверцу. И в тот же момент она умолкла, и кто-то невидимый толкнул его в грудь так, что он отлетел метра на два.

Невидимый сержант поспешил к клубу.

КОНЕЦ МАЙОРА МЕРДЕРА

Клуб уже не был похож на клуб. У дверей стояли немецкие часовые. В зале, на полу, валялись красные доскуты изорванных лозунгов вперемежку с черепками и осколками.

Муромцев прошёл мимо часовых и смело открыл последнюю дверь.

В комнате вокруг стола, склонившись над картой, стояли и сидели немецкие офицеры. Тихо закрыв за собой дверь, невидимый сержант внимательно огляделся. Майор Мердер был здесь, и кроме него ещё шесть человек. Среди них маленький седой генерал и два полковника. На столе были разложены бумаги и карты.

«Штаб! Прибыл, значит, по месту назначения!» — подумал сержант.

Маленький седой генерал всё время вздрагивал и дёргал головой. Мердер, отвернувшись от стола, уже несколько минут пристально смотрел на то место пола, где стояли ноги сержанта. Сержант опустил глаза и увидел, что с его невидимых валенок натекала лужа талого снега. Отделившись от валенок, струйки воды становились видимыми и растекались по чисто вымытому полу.

Внезапно Мердер вскочил и кинулся к двери. Сержант едва успел посторониться, и Мердер сразмаху ударился о косяк. Все обернулись. Седой генерал вскочил со стула

и затрясся ещё сильнее. Полковник с толстыми складками на шее, похожий на бульдога, пролаял что-то очень сердито.

Мердер пошарил руками по двери, потянул носом и неохотно вернулся к столу, продолжая оглядываться.

А сержант спокойно обошёл вокруг стола и стал за стулом генерала. Сержант осторожно протянул вперёд руку и потянул за угол большой конверт, лежавший на краю стола. Как только рука сержанта коснулась конверта, тот стал невидим и исчез, шурша по сукну стола. Другие бумаги, лежавшие около, зашевелились как будто сами собой.

Похожий на бульдога полковник придержал рукой бумаги, а потом встал и затворил поплотнее форточку.

Посредине стола лежала большая карта с нарисованными на ней красными и синими стрелками.

И сержант понял, что он не только попал точно по назначению, в штаб германской части, но и попал как раз вовремя, когда в штабе составлялся план нового наступления.

Сержант неплохо умел разбираться в картах и, следя за спорами штабных и за направлением красных и синих стрелок, старался уяснить себе план предполагаемого наступления. Это ему удалось: он понял всё.

«Теперь нужно действовать осмотрительно, — подумал сержант, — только бы не испортить всего дела! Главное — не торопиться. Дать им кончить и потом акуратненько доставить капитану Беркутову все их приказы. Хорошо бы карту с собой прихватить! Да как бы не испугать бандитов!»

Так рассуждал сержант Муромцев в то время, как немцы спорили над картой.

Он улучил минуту и снова потянул к себе какую-то бумагу, которая тут же исчезла из глаз. Но майор Мердер как раз подвинулся, переставил локти на столе и нечаянно прижал невидимый край бумаги. Сержант дернул её к себе. Мердер завертелся и стал беспорядочно шарить и бить по столу, потом обернулся и бросился в сторону Муромцева, растопырив руки. Одну минуту сержанту показалось, что Мердер видит его — так верно тот шёл на едва уловимый шорох бумаги, которую сержант как раз опускал в свою полевую сумку. Муромцев замер, и Мердер остановился в одном шаге от него, с растопыренными руками, с глазами ядовитой змеи.

«Эта собака меня ещё чего доброго поймает! — подумал сержант. — И слух у него и нюх не хуже, чем у овчарки».

Сержант стал тихонько отступать в сторону, бесшумно переставляя ноги в мягких валенках. Но Мердер, глядя прямо перед собой своими змеиными глазами, упорно продолжал ловить руками воздух и уже снова приближался к сержанту.

«Только бы он меня в угол не загнал!» — думал сержант, обходя вокруг стола.

Но все уже заметили странное поведение Мердера. Его стали звать. Похожий на бульдога полковник подошёл к нему и решительно взял его за плечо в ту самую минуту, когда тот чуть не коснулся шинели сержанта. Он подвёл сопротивляющегося Мердера к столу и почти насильно усадил

рядом с собой. Другой офицер налил в стакан воды и протянул майору. Мердер сердито оттолкнул стакан.

«Ну спасибо, придержите-ка его ещё немного!» — засмеялся Муромцев про себя и вдруг, перегнувшись через стол, ловким движением сдернул с генерала полевую сумку.

Невидимая сумка задела генерала по лицу. Все вскочили. Поднялся невообразимый шум. Немцы кричали, не слушая друг друга, генерал сполз со стула на пол.

Мердер выхватил револьвер и направил его в сторону сержанта. Но Муромцев опередил Мердера.

Раздался выстрел.

Падая, Мердер опрокинул два стула. Все бросились к нему, кроме генерала, который, закрыв руками голову, трясся, сидя на полу. Сержант Муромцев быстро сдернул со стола карту и всё, что на нём ещё лежало, и, перепрыгнув через стул, выскочил в дверь. Навстречу ему мчались часовые и охрана. Сержант толкнул в грудь одного, сшиб с ног другого и вихрем пронёсся по лестнице, оставляя за собой запах от ещё дымившегося после выстрела автомата.

Машина Мердера стояла у крыльца. Шофёр спокойно стоял, прислонившись к дверце. Одним ударом кулака Муромцев опрокинул шофёра, вскочил в машину и, развернувшись, помчался прямо на восток. Позади послышалась беспорядочная стрельба.

СЕРЖАНТ СНИМАЕТ ВАРЕЖКИ

Задание капитана Беркутова было выполнено. Надо было возвращаться к своим.

Машина шла лесной дорогой. Приятно было мчаться на предельной скорости мимо отягчённых снегом, притихших деревьев. По небу иногда пробегала луч прожектора или падала звездой ракета. Шум машины заглушил отдалённую стрельбу, и поэтому казалось, что в лесу стоит та особенная, зимняя тишина, когда ветви деревьев, заваленные тяжёлым снегом, не в силах пошевелиться.

Сержант даже размечтался немного. Однако ехать дальше было опасно. Немцы могли опомниться, послать погоню за своей пропавшей машиной и предупредить свои посты. Если бы машину обстреляли, каждая пуля, направленная в шофёрскую кабинку, могла убить хотя и невидимого, но вполне смертного сержанта.

Муромцев выбрал удобное место, замедлил ход, осторожно спустил машину с дороги в овражек, подрулил к кустам и поставил её так, чтобы её не видно было с дороги. Потом он сверился с картой и компасом, прыгнул в снег и тихо пошёл по лесу. Оставалась самая лёгкая часть задачи: незаметно перейти линию фронта.

Но тут-то сержанту не повезло. Луна зашла за тучу. Сержант с трудом ориентировался в темноте, но, главное, он терял чудесное своё преимущество, так как ночью снайперы стреляют по слуху — на скрип шагов или треск сучка.

Кроме того сержант скоро заметил, что сбился с пути. Он уже должен был, казалось ему, подходить к переднему краю обороны. Но «вокруг был всё тот же частый лес,

и сержант, пробираясь в темноте без дороги, всё время тонул в сугробах. С высоких ветвей на плечи ему падали тяжёлые комья снега и, тая, затекали за воротник. Он уже выбился из сил, а лесу, казалось, и конца не будет. Наконец Муромцев остановился, положил на снег свой компас и карту и рискнул осветить её карманным фонариком.

Треск и вспышки выстрелов всполошили лес. Несколько пуль просвистели возле самой головы сержанта. Он не успел даже взглянуть на карту. Где-то близко над его головой сидел на дереве немецкий снайпер и, может быть, даже не один. Сержант потушил фонарь и замер. Теперь, в темноте, чудесные варежки ничем не могли ему помочь. Немцы не видели его, но, очевидно, хорошо угадывали по пороху шагов.

Двигаться было нельзя. Сержант старался даже не дышать, так как стреляли где-то совсем близко, с соседнего дерева. Муромцев долго стоял не шевелясь.

«Не стоять же так, в самом деле, до утра! — подумал сержант. — Это похуже Мерде-ра!»

Положение казалось безнадежным, а впереди предстояла ещё долгая ночь.

Где-то над головой сержанта хрустнул сучок, а дальше, в глубине леса, послышался шум. Муромцев понял, что окружён невидимыми стрелками и что они стерегут его и не выпустят из леса живым. На этот раз все преимущества были на стороне врага.

Одного только не мог понять сержант: как это немцы в него не попали, когда он зажёл фонарь? Он уже совсем было решил, что немцы просто не умеют стрелять. Он даже, осмелев, немного переставил застывшую ногу. Но тотчас же защёлкали выстрелы. Одна пуля пробила носок валенка, не задев ноги (валенок, к счастью, был очень просторный). Нет, немцы хорошо умели стрелять даже в темноте. И тут только сержант внезапно догадался, что свет фонаря не выдал его, а спас ему жизнь. Немцы били мимо, потому что никого не увидели в луче света на том месте, где стоял сержант.

Решение было принято мгновенно.

«Проскочу!» — решил Муромцев.

Он зажёл фонарик и бросился вперёд. Расчёт оказался верен: немцы подняли беспорядочную стрельбу, но ни одна пуля не тронула сержанта. Фрицы были сбиты с толку: они видели свет, но не видели руки, которая его держала. Свет пылал по лесу без посторонней помощи, освещая вокруг только стволы деревьев.

Так сержант благополучно проскочил опасное место и скоро вышел на опушку леса. В это время из-за туч глянула луна, и он уже смело пошёл по тропинке прямо к немецким блиндажам. На этот раз сержант не стал заглядывать внутрь: он торопился. Впереди уже показалась в лунном свете чистая снежная гладь знакомого озера.

«Вот я и дома!» — подумал Муромцев.

И родной блиндаж представился ему действительно тёплым и милым сердцу домом.

Сержант потрогал рукой полевую сумку,

Муромцев вдруг поднялся из-за своего бугорка, видимый и грозный для врага.

полную немецких припасов, и другую, которую он стянул у генерала. Всё было на месте.

Ещё последний немецкий окоп, несколько кустиков и... там уже свои. Но вдруг сержант споткнулся, загремел автоматом, выругался нечаянно вслух, и в ту же минуту пулемётная очередь прострочила снег возле самых его ног. Сержант едва успел упасть. Тучка скрыла луну, и немцы из последнего окопа остервенело били по тому бугорку, за которым залёг сержант. Падая, он снова нашумел, и теперь в темноте они целились наверняка.

— Нет, нет, так дешёво я им не дамся, гадам! — прошептал сержант Муромцев, прилаживая автомат. — Уж если погибать, так я их прежде хорошенько пощёлкаю!

Автомат дал несколько выстрелов и заел. Сержант с досадой дернул затвор — ничего. А немцы всё строчили, и Муромцев чувствовал, что никогда ещё он не был так близок к гибели. Он снова задержал затвором, стал поправлять диск, но варежки мешали.

Тогда сержант сбросил свои волшебные варежки, и автомат вдруг снова заговорил.

Тучка ушла, стало светло, как днём. Но сержант так и не подумал о своих чудесных варежках. Чудеснее, чем они, казался ему бой, который он вёл один, здесь в снегу, со смертельным врагом, разя его метким огнём из своего автомата. И сержант Муромцев вдруг поднялся из-за своего бугорка, видимый и грозный для врага. Увидев русского бойца с автоматом, немцы в панике полезли из своего окопа, бросая оружие, пустились наутёк.

А сержант всё стрелял и стрелял им вдогонку. И когда он кончил, поблизости не было ни одного живого немца: те, которых пощадила пуля, уже скрылись в лесу.

Тогда сержант спокойно поднял свои варежки, сунул их в карман и лёгким шагом пошёл напрямик через озеро домой.

Семь необыкновенных историй о картошке

Н. Надеждина

ПЕРВАЯ НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ. О клубнях, созревающих на две недели раньше

Их принесли в комнату ещё в апреле, за месяц — полтора до посадки, и разложили на полке в два ряда один над другим. Градусник в комнате показывал 12—13° тепла. Чтобы каждый клубень получил свою долю света, время от времени их осторожно переворачивали. И ростки, которые дали клубни, стали зелёными и крепкими.

А когда весной эти пророщенные картофелины посадили на огороде, они дали урожай и раньше и выше обычного. Потому, что, ещё не касаясь земли, за время пребывания в тёплой светлой комнате, растения прошли первую ступеньку своего развития, «стадию яровизации», как говорят учёные. И в землю попали уже клубни «второстепенцы». Ясно, что они обогнали пролежавшие в погребе неяровизированные клубни, которым эту первую ступень ещё надо пройти в земле.

Вместо того чтобы раскладывать клубни по полкам, можно нанизать их на шпагат и повесить связку на свету у окна.

А если уже близко время посадки, уложи картофель в ящик с торфом или сырыми опилками: слой опилок должен быть в 2—2,5 сантиметра толщиной, слой картофеля — в 4—5 клубней. В таком ящике за 2—3 недели клубни дадут ростки и хорошо развитые корни. Время, нужное для яровизации, сокращается вдвое.

ВТОРАЯ НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ. Верхушку срезать, а картошку съешь

Вот лежит на твоей ладони клубень. Посмотри: на серой грубой коже белеют пузырьки. Где чуть заметные, где высунувшиеся, как клювики. Это почки — глазки. Из них развиваются стебли будущего куста. Поворачивая клубень, ты увидишь, что больше всего глазков — и самых сильных — на одном конце клубня, на верхушке.

А на противоположном конце клубня их почти нет. Тут заметен только остаток подземного стебелька. Им прикреплялся клубень к материнскому кусту. Поэтому и называется эта часть клубня пуповиной.

Пока у посаженного в землю картофеля не разовьются корни, ростки будут питаться отложенным в клубне запасом. И так велик этот запас продовольствия, что большую часть его можно отобрать и всё-таки ростки не будут в обиде.

Ты уже знаешь, конечно, о том, что для посадки можно срезать верхушку картофеля. От большего клубня, весом в 150—200 граммов, срезают побольше: граммов 10—15; от среднего, в 80—100 граммов, — поменьше: 8—10 граммов. От маленьких клубней верхушек не берут совсем. Срезать верхушки можно только у здоровых, неподмороженных клубней. Толщина мякоти срезанной верхушки должна быть не меньше полсантиметра — примерно в твой палец толщиной. Этот кусочек и даст начало новому кусту. Верхушка пойдёт в землю, а клубень — в суп.

Самое хитрое — сберечь верхушку до весенней посадки, чтобы в кусочке сохранилась жизнь. Лучше всего срезать верхушки зимой, когда ростки ещё не пробудились. Многие из нас собирали их всю зиму и хранили в подпольях или в погребе. Теперь, ранней весной, надо наведываться туда почаще, просматривать верхушки и выбрасывать загнившие. В погребе попрежнему должно быть не больше 1—3° тепла.

Недели за две до посадки разложи картофельные верхушки срезом вниз на влажном песке или сырой мешковине и каждый день обрызгивай водой. Тогда верхушки дадут ростки — крепкие, короткие, зелёные.

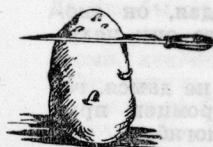
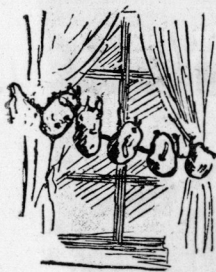
Высаживать их в землю будешь дней на 10 позже, чем обычно сажают картофель. И ямки рыть надо помельче обычного — на глубину в 5—6 сантиметров. А засыпать влажной землёй.

Если всё это ты выполнишь, а это нетрудно, то из маленького кусочка картошки вырастет сильный, богатый клубнями куст.

ТРЕТЬЯ НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ. Пуд картофеля от одного клубня

Чтобы эта история сбылась на деле, надо отобрать крупный, здоровый клубень. Лучше с ростками. Выкопать яму в четверть метра глубиной и до половины наполнить её хорошей, парниковой землёй, смешанной с перепревшим навозом или перегноем, да ещё прибавить горстку золы. Посаженный в ямку клубень сантиметров на 6—7 засыпается землёй.

Как только всходы поднимутся на 5—8 сантиметров в высоту, их надо окучить — пригрести к стеблям кучку земли, чтобы только одни верхушки

остались на поверхности. Окучивать надо после поливки или после дождя — влажной землёй. Тогда от стебля в том месте, где к нему прикила влажная земля, протянутся новые корешки — добытки пищи. Растение как бы получит прибавку к своему «пайку», станет жить сытнее. Сильнее разовьются подземные побеги — столоны, на которых образуются клубни нового урожая.

Снова вытянулись стебли, снова окучивай. Дождь не размоет, ветер не сдует землю, присыпанную к стеблям, недаром клубень посажен в яму. Так за лето надо окучивать картофель несколько раз. Каждое новое окучивание — это новый этаж корней, новая сеть несущих клубни подземных побегов. И когда осенью, убирая урожай, ты раскопаешь яму, она будет, как закром, набита картофелинами. Взвесишь, они потянут двенадцать кило, а то и пуд.

ЧЕТВЕРТАЯ НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ. Шесть кусочков — шесть новых растений

Клубень величиной с куриное яйцо можно разрезать вдоль и поперёк на шесть—семь кусочков. В каждом кусочке должен быть один или два глазка с небольшим зелёным ростком. Режь так, чтобы нож проходил не ближе, чем на полсантиметра от глазка. Кусочки в тот же день высади на огород, на глубину 4—5 сантиметров срезом вниз.

Если земля хорошо удобрена (на 10 квадратных метров 3 ведра перегноя, да 5 стаканов золы), кусты, выращенные из кусочков, дадут славный урожай.

ПЯТАЯ НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ. Как тремя картофелинами огород засадить

Правда, небольшой. В 10 квадратных метров. Но обычно на такой огород нужно 60 картофелин. А ты обойдись тремя.

Вот в чём тут хитрость. Очень часто картофель, лежащий в погребе, выпускает длинные белые ростки. Если, осторожно обломив, посадить эти ростки головкой кверху, в ящик с землёй на глубину 4—5 сантиметров, через несколько дней они зазеленеют, окоренятся, начнут развивать листья. Короткий росток сажается прямо, длинный — наклонно.

А клубень, с которого обломлены ростки, полежав несколько дней в тёплой и светлой комнате, даст новые ростки. Тогда его можно разрезать на кусочки, как рассказано в четвёртой необыкновенной истории.

Шесть — семь кусочков да тринадцать — четырнадцать укоренившихся ростков — вот двадцать растений от одной картофелины. А от трёх — шестьдесят. Так небольшой огород и засадишь.

ШЕСТАЯ НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ. Опыт калининских колхозников

Зимой 1942 года Красная Армия освободила от немцев ряд районов Калининской области. Пришла весна — самая пора сажать картошку. А у ограбленных немцами колхозников не хватало посадочного материала. Но один московский профессор дал совет, как помочь беде.

Клубень, посаженный в землю, даёт несколько побегов. Когда побеги достигнут 6—12 сантиметров высоты, можно один оставить, а остальные выломать, отделив от клубня вместе с корешками. Из влажной земли (перед выломкой побегов надо полить картошку) они вынимаются легко. Каждый побег обязательно должен иметь корешки.

На заходе солнца (не раньше 6 часов вечера) выломанные побеги высаживаются в политую землю немного глубже, чем они сидели раньше, и поливаются второй раз. Побеги укоренятся и дадут крупные клубни.

Калининские колхозники засадили таким способом свыше тысячи гектаров. Все побеги прекрасно прижились.

Почему же у тебя им не прижиться?

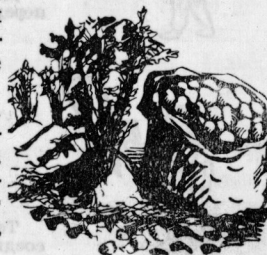
СЕДЬМАЯ НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ. О хитром агрономе, у которого ботва даёт второй урожай

Фамилия этого подмосковного агронома — Анашин. Вот что он делал.

В конце июля, когда созревал картофель раннего сорта — «эпикур», Анашин выкапывал кусты. Обрывал все — крупные и мелкие — пригодные для еды клубни. И снова сажал обципанную ботву на прежнее место, только немного поглубже. Плотнo обжимал землю, поливал ботву — по ведру воды на 5—10 растений. Если 3—4 дня не было дождя, снова поливал. Ботва приживалась и к осени приносила Анашину второй урожай клубней, ещё больше первого.

Способ хитрого агронома так прост, что его может применить каждый. Только запомни: для вторичной посадки годятся лишь ранние сорта картофеля: «эпикур» и «ранняя роза». Для опыта можно испробовать сорт «лорх».

Здесь рассказано семь необыкновенных историй. На самом деле их гораздо больше. Но все, пожалуй, и не рассказать, потому что жизнь рождает всё новые и новые. Творчеству человека, понявшего тайны жизни растений, нет границ.

СОРЕВНОВАНИЕ НАШЕГО ЗВЕНА

Кто самый сильный в нашем звене? Это покажет интересное соревнование, которое предложил ребятам педагог-физкультурник М. Черевков. Рассмотрите внимательно рисунки. Кто сумеет всё это сделать и наберёт больше очков, добьётся звания чемпиона звена по силе.

Для начала пусть каждый из ребят потренируется в упражнениях «Чьи руки сильнее» и «Турнир продолжается».

Другие упражнения продельваются вдвоём. Все участники делятся на пары. Победители первых схваток получают по три очка, побеждённые остаются без баллов. Начинается второй круг соревнования. Победители снова распределяются по парам. И опять вступают в схватку друг с другом. Те, кто во втором кругу тоже остались вне соперничества, получают по шесть очков, в третьем — ещё девять очков, в четвёртом — двенадцать очков.

Когда соревнование закончено, подсчитывается сумма очков, набранных каждым пионером. Так определяется абсолютный чемпион.

ЧЬИ РУКИ СИЛЬНЕЕ?

3 очка
Согнуть и выпрямить
руки 3 раза.

6 очков

9 очков

12 очков
Согнуть и выпрямить
руки.

Согнуть и выпрямить руки три раза.

ТУРНИР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

3 очка
Поднять стул с
пола обеими руками.

6 очков
Взяв за заднюю
ножку.

9 очков
Держа за
переднюю ножку.

12 очков
Теперь за
соединительное
кольцо.

БОРЬБА В КОЛЬЦЕ

Упереться ладонями в плечи друг другу и, с силой нажимая на противника, заставить его переступить хотя бы одной ногой через линию кольца.

ПОБЕДИЛ — ПОДНЯВШИЙ ГОРОДОК

У черты стоят два пионера. На равных расстояниях от линии установлены городки. Победил тот, кто сумеет, перетянув противника, поднять свой городок.

ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ

3 очка
Пройти на согнутых ногах десять шагов.

6 очков
Встать на одной ноге, не отталкиваясь другой от земли.

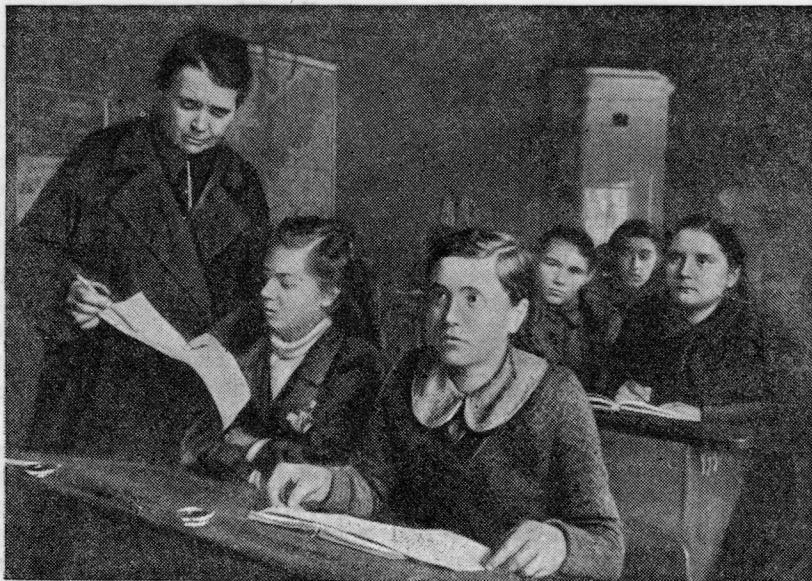

9 очков
Проплыть в прыжке, сменив десять раз выбрасываемую вперёд ногу.

12 очков
Присесть три раза на левой, а потом на правой ноге.

Ученики 7-го класса 10-й школы Свердловского района города Ленинграда начали готовиться к экзаменам. Оля Руран попросила Елизавету Михайловну объяснить ей трудную задачу.

Синяя тетрадь

«Милые ребята! Если бы вы только знали, как я вам благодарна за внимание! Не знаю, почему, но именно сегодня я чувствовала себя особенно одинокой. Я сидела у кровати Лёвика и думала о том, что мой бедный маленький сынок, наверное, никогда не увидит своего отца. Уж очень давно не приходил к нам почтальон. Думала о том, как я воспитаю одна трёх крошек.

В это время из школы вернулся Арик.

— Мама, смотри! — он развернул подарки, которые вы прислали нам: шерстяной чепчик, тёплые пелёнки, вязаные ботиночки Лёвику и красивую книжку Элишке.

И знаете, ребята, мне стало стыдно за свои мысли. Я поняла, что мы не одиноки, что у меня и моих детей много близких и родных, которые не оставят нас в трудную минуту.

Желаю вам всего самого хорошего.

Д. Абрамова».

Ребята ещё раз прочитали это письмо, потом бережно сложили его и положили в большую синюю тетрадь. С этой вот синей тетради, соб-

ственно, всё и началось. Сначала, переходя из класса в класс, в неё подробно записали всё об учениках, у которых отцы на фронте. И тогда стало понятно, почему маленькая Тамара Коротеева из первого класса ходит в платянице, из которого она давно выросла, почему у Рафии Валеева холодная шапка и на пальто нет пуговиц, а у Томи Александровой рваные валенки и нет калош. Синяя тетрадь рассказала о том, что у многих ребят нет родителей. Многие ребята покинули родные места и живут у дальних родственников, у которых и так достаточно забот.

Синюю тетрадь нельзя было запереть в шкаф и забыть о ней: нужно было срочно что-то делать. Первая об этом сказала Юля Соболева:

— Мы должны починить малышам бельё, обувь и одежду.

Все поддержали Юлю.

Девочки принесли из дому нитки, иголки, пуговицы, кусочки материи. Вера Филимоновна, библиотекарь школы, с радостью пришла на помощь девочкам: она научила их штопать, чинить бельё, вязать. Потом Лида Крупина, Юля Нико-

нова и Роза Векшина прошли по классам и сказали ребятам, чтобы они приносили в пионерскую комнату в починку своё бельё, чулки и платье. В первые дни маленькие заказчики приходили по-одному и робко останавливались в дверях большой светлой комнаты, потом они стали приходить смелее и приводили с собой товарищей. Шестнадцать девочек под руководством Веры Филимоновны работали быстро и аккуратно. Мальчики, работающие в районной сапожной мастерской, объявили, что от детей фронтовиков принимается бесплатно в починку обувь. Они не только объявили — они даже по классам проверили, кому и что нужно починить. И все заказы были отлично выполнены.

Оказалось, что учительница русского языка Мария Тимофеевна Альтшуллер умеет заливать калоши, и через несколько дней в мастерской по бытовому обслуживанию открылся новый «цех» — по заливке калош. Желающих в нём работать было много, но совсем не было инструментов. Ребята прыгнули, но однажды им показалось, что Мария Тимофеевна пришла в школу радостная и что-то принесла; они не ошиблись: она, наконец, достала нужные инструменты и клей. С этого дня закипела работа. Мария Тимофеевна показала ребятам, как надо шкурить резину, как покрывать клеем и накладывать заплатку, как подравнивать резину ножом. Вася Горяинов первый самостоятельно починил калоши первокласснице Вале Гусевой. За ним следи свой первый заказ Лёля Пестина, Боря Бирюков, Лёва Боро и Люся Самсонова. Эти ребята сейчас в школе — лучшие мастера по заливке.

Но были ребята, у которых вовсе не было калош. Об этом узнали в мастерской и поручили Боре Бирюкову подобрать каждому калоши по ноге из старых, предназначенных на резку, потом починили их и отдали ребятам.

Как-то в мастерскую зашла Настя Караваева и почему-то долго не решалась подать свёрток. Лёля Пестина подошла к ней; в руках у Насти

были такие маленькие калошки, каких Лёля ещё никогда не видела.

— Мама просит вас починить. Это мишуткины. Можно? — спросила Настя.

— Конечно, можно, — весело ответила Лёля, — завтра будут готовы, зайти после уроков.

Чем ближе к весне, тем больше работы в мастерской по бытовому обслуживанию детей фронтовиков 169-й школы Москвы.

На дверях её написано, что она работает по средам и пятницам, с 2 до 4, на самом же деле ребята работают здесь почти каждый день.

Накануне Дня Красной Армии в зале собрались старшеклассники. Это было совсем не обычное собрание: никто не выбирал ни председателя, ни секретаря, и длилось оно всего несколько минут. Но зато на следующий день почти все ребята, прежде чем зайти в класс, поднимались на второй этаж и оставляли на диване в канцелярии небольшой свёрток. Когда их развернули, там оказались хорошие и нужные вещи: тёплые кофточки, платья, рейтузы, чулки, простыни, полотенца, пелёнки, шапочки и много разных игрушек и книг. Потом девочки заглянули в синюю тетрадь и аккуратно завернули в бумагу шестьдесят два подарка.

А на торжественном вечере Тамара Коротеева была в новом бархатном платье, Шура Стулова — в новой шерстяной кофточке, Вася Фадеев — в байковом лыжном костюме. Равиль Валеев пришёл в этот день в школу в новой тёплой шапке-ушанке, а маленького семимесячного Лёвика Абрамова мама вынесла погулять в новом шерстяном чепчике и ботиночках, которые ему связала Света Рудакова.

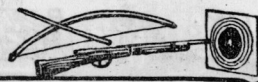
В синей тетради почти против каждой фамилии сейчас появились новые записи.

Настанет день, когда кончится война и вернутся с фронта наши отцы. Они, конечно, придут в школу на родительское собрание, прочтут синюю тетрадь и пожмут руки чудесным ребятам 169-й школы.

Ребята! Как хорошо будет, если и вы в своей школе сделаете то же самое, позаботитесь о малышах — детях фронтовиков. Сходите к ним домой, посмотрите, как они живут, в чём нуждаются. Приготовьте им к 1 Мая хорошие подарки. Пусть этот день будет для них большим и радостным праздником.

Напишите нам, ребята, как вы заботитесь о малышах. Ждём от вас писем.

Редакция

После уроков в военный кабинет зашли отличники военных занятий. Они решили повторить то, что проходили сегодня на уроке. Толя Шельдов разбирает винтовку, а Люда Дмитриева, Нюра Волкова и Серёжа Державин слушают его.

Наш военный кабинет

Ребятам из младших классов очень хотелось узнать, что мы делаем: зачем Серёжа Державин принёс в школу гвозди и молоток, Настя Шарова — краски, Жуков и Топорко — инструменты. Малыши толпились у двери, но мы их безжалостно отгоняли. Все торопились. Каждая бригада хотела досрочно выполнить задание военного руководителя.

— Начнём нашу военную учёбу с того, что сами оборудуем хороший военный кабинет, — сказал нам в первый день нашего знакомства военный руководитель, участник отечественной войны, товарищ Припесцов.

Мы разбили на шесть бригад и взялись за дело. Все необходимые инструменты, гвозди, доски, краски мы принесли из дому.

Бригада Володи Трунина отремонтировала шестнадцать стульев и десять столов. Трамплин, эстафетки и сапёрные лопатки сделала бригада Миши Кутузова. В школе было много давно заброшенного спортивного инвентаря. Мы его весь отремонтировали. Бригада лучших художников школы нарисовала учебные плакаты. Потом мы собрали деньги и приобрели противогазы. Когда всё было готово, девочки навели в кабинете порядок: вымыли пол, окна, весь инвентарь; на стенах аккуратно развесили плакаты по штыковому бою, по одиночной подготовке бойца, повесили схему пулемёта; в стойках установили учебные винтовки, противогазы, в шкаф уложили сапёрные лопатки, макеты, диски для метания, эстафетки, мячи. Приятно было сознавать, что всё это мы сделали и отремонтировали сами.

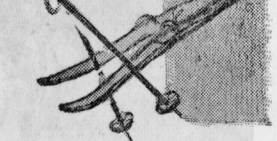
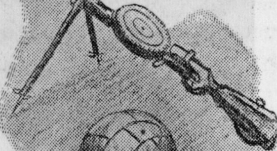
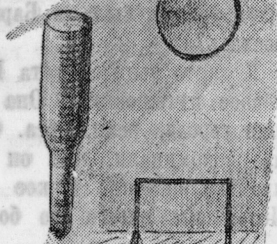
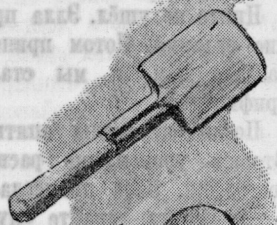
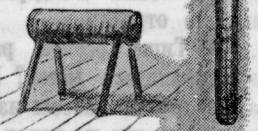
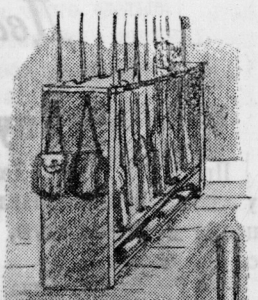
Сейчас у нас работает пять кружков: наблюдательный, сапёрный, пожарный, гранатомётчиков и пулемётчиков.

Недавно в школе лопнули водопроводные трубы. Отличник-связист Альберт Шестатский не растерялся и быстро закупорил пробойны резиной.

Наднях на торжественном сборе роты военрук прочитал приказ, в котором он объявил благодарность за отличную работу и учёбу командиру 2-го взвода Людмиле Дмитриевой, командиру 1-го отделения 2-го взвода Нюре Волковой, командиру 3-го взвода Шельдову и командиру 3-го отделения 3-го взвода Сергею Державину.

Изучаем мы военное дело с большой охотой. У всех у нас одно желание — приобрести в школе хорошую военную специальность.

Толя Шельдов,
командир 3-го взвода 1-й роты 397-й школы Москвы

13-1

Два письма из одной дружины

Как мы путешествовали

Прозвенел звонок. Дежурный Вова Ильин встал у двери. Но Анна Павловна не приходила. Вова пошёл в учительскую, через минуту он вернулся и крикнул:

— Разойдись, Анна Павловна заболела!

Все вскочили и зашумели, но тут к доске вышла Элла Фондеранцева, начальник штаба нашего отряда:

— Тише, ребята, рядом идёт урок. Ну что вы торопитесь домой? Будем лучше заниматься, а то другие классы нас обгонят. Предлагаю остаться. А кто не хочет, пусть потихоньку уйдёт.

Никто не ушёл. Элла проверила у всех домашние задания. Потом принесла листочки бумаги, раздала нам, и мы стали решать задачи по арифметике.

После перемены опять все сели за парты. Вторым уроком, по расписанию, у нас была география. Элла принесла большую карту:

— Ребята, давайте «путешествовать». В прошлом году я была в Барнауле. Кто хочет туда поехать?

К карте вышла Света Коган и отправилась в первое путешествие. Она проезжала через большие города, реки, леса. Она называла город, а мы вспоминали, чем он знаменит, какая там промышленность, какое сельское хозяйство. Потом мы плыли по большой, красивой реке

Амур. Мы сходили на берег в Благовещенске, Хабаровске, Комсомольске. Это был очень интересный урок, и когда он кончился, нам не хотелось отходить от карты.

Мы решили провести сбор отряда на тему «Путешествие по родной земле». Каждое звено выберет себе маршрут путешествия, ребята подготовятся и на сборе подробно расскажут, что они «видели» во время путешествия.

На последнем уроке мы читали поочередно рассказ Льва Кассиля «Федя из подплава».

Три дня занимались мы без Анны Павловны, и все три дня в классе было тихо, никто не пропустил уроков, никто не опоздал.

Ляля Кваскова,
3-й отряд

Друг отряда

— Пойдёмте к Ивану Михайловичу, он нам посоветует, что делать, — сказала Галя Власова.

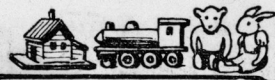
И на следующий день, после уроков, мы пошли в госпиталь к нашему новому другу — раненому фронтовику. Дежурная сестра дала нам белые халаты, и мы на цыпочках вошли в палату. Иван Михайлович сразу увидел нас:

— Пришли, ребята, ну проходите, садитесь. Рассказывайте, как дела в дружине.

Я рассказал ему, что в школу перестал ходить отличник из второго отряда Юра Вейс.

По выходным дням в нашей школе работает изокружок. Вот лучшие рисунки наших ребят: «Суворов» рисунок Бори Шигаева, «В атаку» рисунок Миши Будилова. Портрет Нины Япониной нарисовал Володя Заредкий.

У него нет обуви. Его отец на фронте, а мама только наднях начала работать. Как ему помочь?

— Сходите-ка вы, ребята, в горвоенкомат и всё там подробно расскажите.

Так мы и сделали. Через несколько дней Юре дали ботинки, и он опять стал ходить в школу.

Сейчас Иван Михайлович Баскаков уже вышел из госпиталя. Свой отпуск он проводит здесь и очень часто заходит к нам. Он стал лучшим другом нашей дружины. Вся школа собирается, чтобы послушать его. Он рассказал нам о своих друзьях — гвардейцах, о любимом командире, о воинской дисциплине.

Как-то Алик Ладыженский, из третьего отряда, хотел уйти с пилки дров.

— Не буду пилить, у меня руки мёрзнут,— сказал он.

— А на фронте у бойцов не мёрзнут руки? Уходи тогда из нашего отряда! Расскажем про тебя Ивану Михайловичу! — закричали со всех сторон.

Алик остался работать и просил ребят не рассказывать про него Ивану Михайловичу.

— Дружину надо строить по-военному, она должна иметь строгий, боевой вид,— сказал мне Иван Михайлович,— а то у вас что-то очень скучно получается. Вот, давайте, я покажу, как строилась наша гвардейская рота.

Теперь каждый понедельник по обеим сторонам коридора выстраиваются пять отрядов нашей дружины. Все ребята в галстуках, со звёздочками, командиры — с нашивками. Чётким, строевым шагом, под барабан, проходят знаменосцы и устанавливают в конце коридора знамя.

Начальники штабов отряда отдают мне рапорт. Все стоят в строю аккуратно и чисто одетые.

Но первый раз, когда я построил дружину, мне стыдно было перед Иваном Михайловичем: у кого пуговица оторвана, у кого карман висит, пояс перекручен. Кофточка мятые, пионерские галстуки повязаны неакkuratно. Многие ребята даже не причёсаны. Особенно неряшливо была одета Катя Коршунова. Её пионерский галстук был грязен и помят.

— Коршунова, почему у тебя пионерский галстук в таком безобразном виде? — спросил я.

Катя, ничего не ответив, сунула галстук в карман.

Тут же, на штабе дружины, мы обсудили поступок Кати и лишили её права носить пионерский галстук в течение пяти дней. На общем сборе мы беседовали о том, каким должен быть внешний вид пионера. Многие ребята ссылались на то, что у них мама работает, а они сами не умеют чинить, штопать одежду, стирать.

— Ну, кто не умеет пришить пуговицу, постирать и погладить, признавайтесь, я выучу,— сказала Надя Огурцова.

И теперь на ребят приятно посмотреть: совсем другое дело стало.

Работа у нас пошла дружнее и лучше. В свободное от уроков время мы помогаем разными делами фронту. Лучшая для всех нас благодарность, когда Иван Михайлович, узнав о наших хороших делах, говорит:

— Молодцы ребята, ну прямо гвардейцы!

Юра Алексеев,
начальник штаба пионерской дружины № 5,
город Владимир

В архипелаге Дружбы, или Тонга, на Тихом океане есть остров Сокол. Впервые его нанесли на карту в 1865 году. Тогда это была небольшая, едва выступавшая из волн отмель. В 1877 году моряки, плававшие в этих водах, обнаружили, что карта врёт: острова не было. Он исчез. В 1885 году остров поднялся снова. Он даже стал гораздо больше. Через 23 года остров опять исчез и появился в третий раз, в 1927 году. Теперь он занимает уже около 4 километров в длину.

Попробуй объяснить странности поведения этого острова.

Знаешь ли ты, сколько полюсов находится в пределах Арктики? Заодно ответь

и на другой вопрос: откуда Арктика получила своё название?

У какого моря нет берегов?

„Взаправдашная“ ли эта скала?

Может ли скала стоять таким образом? Не декорация ли это для какого-нибудь фантастического фильма? Если нет, то каким образом она появилась на этой равнине? Не можете ли вы припомнить, есть ли у нас в СССР утёсы, скалы или камни столь же необычайного вида?

СОДЕРЖАНИЕ

Цуьнка. — Рассказ Ф. Кнорре. Рис. А. Брея . . .	стр.	Чудесные варежки. — (Окончание). Сказка	
„Канны“ под Сталинградом. — Академик Е. В. Тарле, Рис. Ю. Кискачи	9	Б. Ивантера. Рис. В. Дельмера	19
Таинственный остров. — Рассказ Вл. Лидина	13	Семь необыкновенных историй о картошке. —	
Большая Медведица. — Лев Толстой	15	Н. Надеждина	24
„В госпитале“, „У печки“, „Серёжа“,		Соревнование нашего звена. — М. Черевков. Рис.	
„Дрова“. — Стихи Зинаиды Александровой	16	А. Брея	26
Серебряные трубы. — Сергей Григорьев. Рис. О. Ве-		Наша жизнь	27
рейского	18	В ладах ли ты с географией?	32

На обложке: картина художницы Н. Кравченко „Весна“

Редколлегия: Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Сафонов В. А., Сысоева А. А.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комната 354, телефон: Д 3-30-73

Подписано к печати 21/IV 1943 г.

Изд. № 303

А 1171.

82 × 110

1/16 бум. листа

76 999 печ. зн. в печ. листе

2 п. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Зак. 1074.

Тираж 24.000 экз.

ПОДУМАЙТЕ — ОТВЕЬТЕ

Полковник Н. Баканов

Командир отделения приказал бойцу в окопе отрыть нишу для хранения боеприпасов.

— Длина ниши — один метр, — сказал командир, — ширина — шестьдесят пять сантиметров, глубина — сорок сантиметров.

У бойца не было никаких измерительных приборов, кроме малой сапёрной лопаты. Однако приказ командира он выполнил точно.

Подумайте, ребята: как при помощи лопатки боец производил измерения?

Во время земляных работ у одного бойца потерялся шуруп, которым прикреплялся стальной лоток сапёрной лопаты к черенку. Поэтому лоток часто сваливался.

— Где мне взять шуруп, товарищ сержант, чтобы исправить лопату? — спросил боец своего командира.

— Общитесь хорошенько лопату и вы найдёте на ней запасной шуруп, — ответил командир.

Где же у каждой большой сапёрной лопаты помещается шуруп для прикрепления лотка к черенку?

На высоте, за рекой, окопались немцы. Командир отделения, расположенного севернее деревни Ивановы, отправлял днём для наблюдения за противником одного бойца. С небольшой высотки, поросшей кустарником, хорошо были видны укрепления немцев. Но с наступлением темноты командир снимал наблюдателя с высоты и предлагал продолжать наблюдения с низкого места.

Кто сможет объяснить, ребята: почему так поступал командир?

Сколько времени потребуется бойцу, для того чтобы отрыть ячейку для стрельбы лёжа, для стрельбы с колена, для стрельбы стоя со дна рва?

Объясните, ребята: что такое дот, дзот, капонир, полукaponир?

Три разведчика осторожно вышли на опушку леса. В двухстах метрах впереди они увидели немцев, отрывающих окопы. Разведчики замаскировались и стали наблюдать за противником. Вскоре один немец с топором в руках направился в лес. Решено было бесшумно захватить его в плен. Это разведчикам удалось сделать.

Расскажите, ребята: как вы в этом случае организовали бы захват пленного?

Ты старший дозора в составе трёх бойцов. Дозору приказали осмотреть хутор. Есть предположение, что на хуторе могут быть немецкие солдаты. Расскажи, как ты будешь действовать: с какой стороны подойдёшь к дому, как отворишь дверь, как будешь осматривать постройки?

Разведчик с наблюдательного пункта осмотрел лежащую перед ним местность. Ничего подозрительного он не заметил. Командир подал ему сигнал продолжать движение.

Что должен сделать разведчик, прежде чем идти вперёд?

Для устройства амбразуры нужно заготовить два бревна: одно — длиной в 1 метр 40 сантиметров, а толщиной в 17 сантиметров; второе — длиной в 1 метр 4 сантиметра, а толщиной в 13 сантиметров.

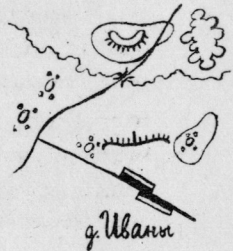
Как вы, ребята, выполните эту работу, имея в руках только малый военный топор?

Красноармеец Трошкин с ящиком патронов подполз к окопу, в котором находились бойцы его отделения. Вдруг немцы открыли сильный пулемётный огонь. Пули ложились на тыльном бруствере, и Трошкин никак не мог преодолеть те 15 метров, которые отделяли его от окопа. Он немного подумал и, несмотря на то что немцы не прекратили огня, задание выполнил: патроны через несколько минут были в окопе.

Как же Трошкин доставил патроны в окоп? Ответьте на этот вопрос.

Все вы, наверно, слышали такое выражение: «Они действовали тихой сапой».

А ну-ка: что такое «сапа»?

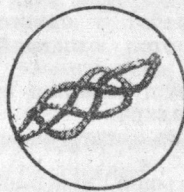
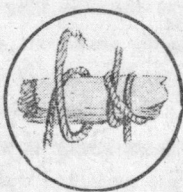

УЗЛЫ

Умеешь ли ты правильно и ловко вязать узлы?

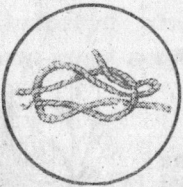
Такая сноровка всегда пригодится в жизни. Прочно и быстро закреплённый канат в случае пожара поможет тебе спасти товарища. Хорошо связанные концы троса выручат на трудной переправе. Не развалится в походе умело завязанная поклажа. Рыба не сумеет оторвать правильно прикреплённый к лесе крючок.

Вот примеры простейших узлов, которые долго держатся и в то же время, когда надо, легко развязываются.

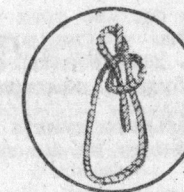
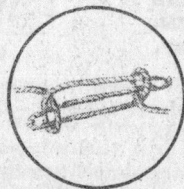
Тимуровка Саша Орлова пришла помочь старушке, матери фронтовика, управиться со стиркой. Саша знает, как сделать прочным узел верёвки, на которой придётся повесить много белья. Вот этот узел!

На рельсах лежало большое бревно, его надо было убрать. Но не было ни большого каната, ни цепи. Что сделали эти три пионера? Они особым, «плоским» узлом связали несколько разных верёвок неодинаковой толщины и убрали бревно.

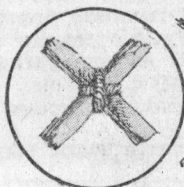
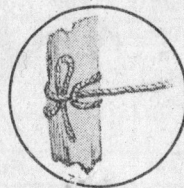
Подарки бойцам готовы! Узел, которым пионеры завязывают свои посылочки, называется «прямым». Здесь показан прямой узел — «рифтовый». Петля помогает быстро и удобно развязать тючок.

«Удавка» — тоже удобный способ завязывания. Применяется он при транспортировке брёвен, держится трением, очень легко развязывается. Можно использовать и при лазании на дерево.

Школьники играли в волейбол. Вдруг большая верёвка, натягивающая сетку, ослабела и повисла; как её укоротить, если концы каната далеко? Перед тобой узел, он называется по-английски «шипшанк». Он помогает быстро подтянуть верёвку к середине и укрепить сетку.

Альпинисты, пожарники, моряки часто пользуются «беседочным узлом». Его незатягивающаяся петля удобна для поднимания или опускания людей, когда приходится их спасать. Строительные рабочие пользуются такими узлами. Моряк, работая за кормой, тоже сидит в «беседочном узле».

Ты знаешь, как привязывают лодку или плот при буксировке? На этом рисунке «шлюпочный узел». Ознакомься с ним.

Как связать крестовину или вилки у жердей походного шалаша или мостика? Лучше всего это делать крест-накрест.

1948 г.

Кит № 204/